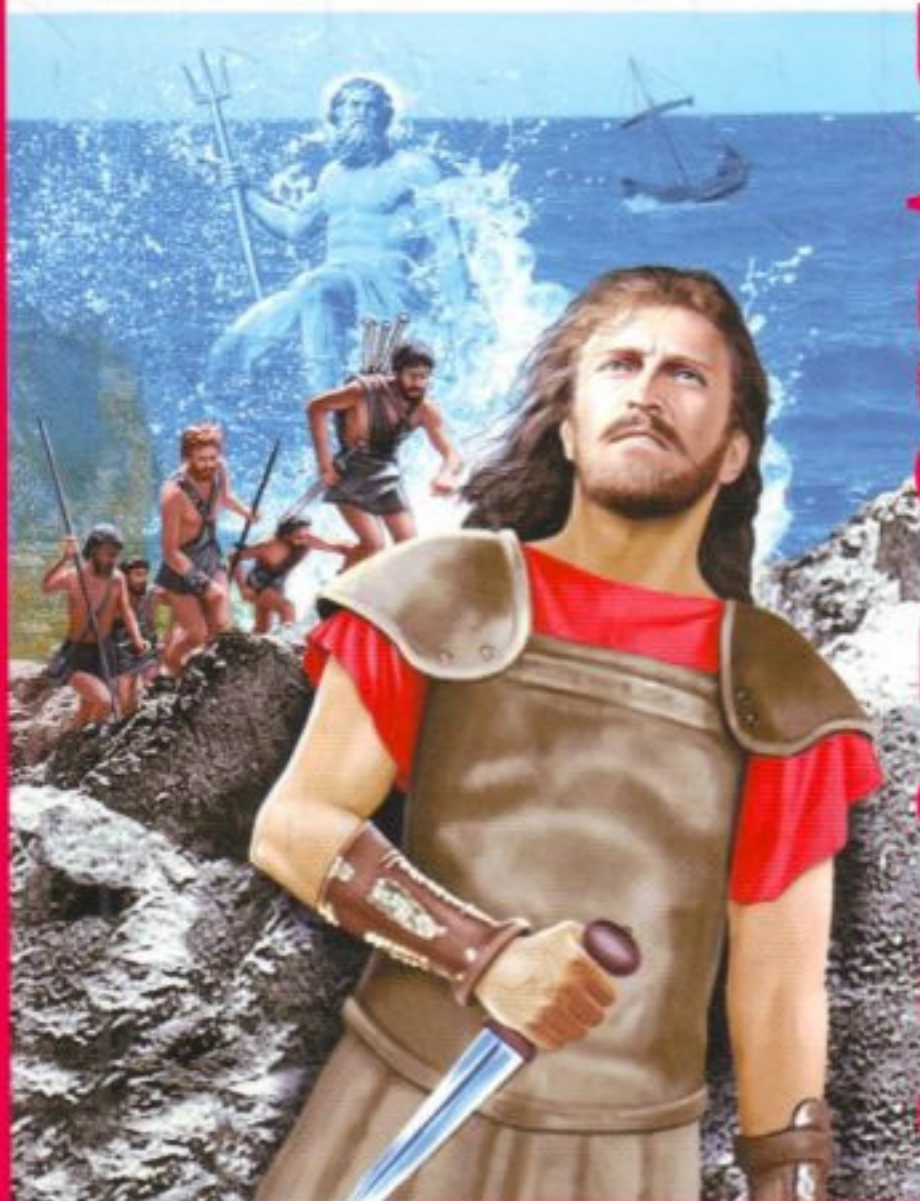

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОДИССЕЯ

АСТ
АСТРЕЛЬ

ЕЛЕНА
ТУДОРОВСКАЯ

ТУДОРОВСКАЯ

Елена Тудоровская
Приключения Одиссея.
Троянская война и ее герои

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181276*

*Приключения Одиссея. Троянская война и ее герои: АСТ, Астрель, АСТ Москва; Москва; 2009
ISBN 978-5-17-056638-9, 978-5-17-056637-2; 978-5-271-23428-6, 978-5-271-23427-9;
978-5-403-01434-2, 978-5-403-01433-5*

Аннотация

«Троянский» цикл мифов Древней Греции – во всем его великолепии.

История похищения прекрасной Елены Спартанской юным Парисом и десятилетней Троянской войны. История не ведавшего страха Ахиллеса и мужественного Гектора, верного Патрокла и циничного Агамемнона, благородного Менелая и могучего Аякса. История осады крепостенной Трои, в которой, наравне с людьми, участвовали и боги-олимпийцы.

История удивительных приключений одного из героев Троянской войны, хитроумного Одиссея, в которых ему приходилось силой и хитростью одолевать ужасных чудовищ, и верной любви его супруги, красавицы Пенелопы, которую тщетно понуждали объявить Одиссея убитым и вступить в новый брак. Под пером Е. А. Тудоровской эти мифы, переложенные на современный, доступный читателю язык, обретают новую жизнь.

Содержание

Троянская война и ее герои	4
Клятва героев	4
Пророчество Кассандры	15
Безумный Одиссей	21
Гнев Ахиллеса	29
Под стенами Трои	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Елена Тудоровская

Приключения Одиссея.

Троянская война и ее герои

Троянская война и ее герои

Клятва героев

1

Зелены и веселы поля Лаконии, любимой богами. В синем небе сверкают вершины далеких снежных гор. Крутые холмы покрыты светлыми буковыми лесами, опоясаны масличными рощами. Вдоль цепи холмов бежит по камням бурный Эврот. На его правом высоком берегу раскинулся многолюдный город Спарта.

Уже несколько дней, как съехались гости в пышный дом спартанского царя Тиндарея. Их легкие колесницы стояли в ряд, кверху дышлами, под навесом в дальнем конце двора; кони дружно паслись на лугах за Эвротом, а хозяева проводили время в пирах и забавах, дожидаясь желанного для них решения Тиндарея. Потому что не праздное намерение повеселиться и попить в гостеприимном и богатом доме привело их в Спарту.

От каменистых Ионических островов до плодородного Саламина, от горных долин Фессалии до песчаного Пилоса прославил громкая молва несравненную красавицу Елену, дочь Тиндарея. Ее называли подобной Афродите и считали красоту ее даром богов. Когда стало известно, что спартанский царь намерен выдать замуж свою прекрасную дочь, со всех сторон в Спарту съехались знатнейшие юноши, сыновья героев, молодые цари и воины. Несмотря на молодость, каждый был уже известен своей силой, своим мужеством или воинским умением; каждый надеялся, что именно его отличит перед другими прославленная красавица и с согласия отца назовет своим мужем. Но гордая Елена медлила с выбором, и юноши продолжали ежедневные пиры, шумные игры и состязания в палатах и во дворе царского дома.

2

Несмотря на ранний час, во дворе Тиндареева дома было шумно илюдно. За высокой оградой собрались человек тридцать юношей; некоторые из них, в одних только коротких хитонах без рукавов и легких сандалиях, забавлялись метанием дротиков.¹ Другие, накинув короткие плащи от утренней прохлады, сидели на скамье под оградой и следили за состязанием.

Но игра не веселила сердца. Между гостями то и дело вспыхивали ссоры. Каждый из них видел в другом соперника и заранее ненавидел возможного избранника Елены.

Участники игры столпились в углу двора. Каждый сжимал в левой руке пучок дротиков. По очереди юноши выступали вперед; брошенные привычной рукой, маленькие копья

¹ Дротик – короткое, легкое копье с крепкой (например, кизиловой) рукояткой.

летели вдоль забора и со звоном падали на плиты. Все участники с шумом обсуждали результаты удара.

Красивый, смуглый мальчик выделился из толпы. Он был еще очень юн и, вероятно, только что посвятил свои волосы богу Аполлону.² Но крепкие руки и широкие плечи позволяли ему соперничать в игре со старшими товарищами. Он с силой метнул свой дротик, и общий крик засвидетельствовал, что он опередил других. Но тотчас же со свистом вырвалось вперед новое копье; оно пролетело вдоль всего двора и вонзилось в землю в незамошенном конце. Этот дротик бросил невысокий, худощавый юноша, которого товарищи называли «маленьким Аяксом». Он принадлежал к племени локров и, как все локры, был отличным копьеметателем. Он насмешливо засмеялся и, хлопнув по плечу своего неудачливого соперника, крикнул:

– Нет, Патрокл, тебе еще надо подрасти, чтобы состязаться со взрослыми воинами!

Мальчик покраснел и гордо взглянул на обидчика. Его красивое безбородое лицо потемнело, он поднял сжатые кулаки, как бы защищаясь от оскорбления. Товарищи заступились за него:

– Ты, Аякс, просто выбрал дротик полегче!

– Дайте им тяжелые копья, тогда посмотрим, достаточно ли силы у самого Аякса!

Маленький Аякс с досадой швырнул на землю свое оружие и подбежал к скамье у ограды, где сидели остальные товарищи, не принимавшие участия в игре.

– Друг Аякс! – крикнул он. – Они хотят участника посильнее меня. Покажи им, что значит настоящая сила.

Со скамьи поднялся гигант с широкой грудью и жилистыми ногами. Бугристые мышцы его длинных рук свидетельствовали о страшной силе. Он также носил имя Аякса. В отличие от его друга, маленького Аякса Локрийского, гиганта называли Аяксом Саламинским, но чаще – Теламонидом (по имени отца его Теламона).³ Гигант усмехнулся и ответил маленькому Аяксу:

– Нет, друг Аякс, дротик слишком легкий для моей руки, а в цель ты всегда попадешь вернее меня. Если они хотят, попробуем свою силу в метании дисков.

Презрительно поглядывая на маленького Аякса, юный Патрокл и его товарищи отошли в сторону. Из дома вынесли железные диски, тяжелые, выпуклые с обеих сторон, как чечевица. В конец двора, к навесу с колесницами, вышли сильные дискоболы. Среди них был чернобородый Диомед, отважный воин, уже известный своими воинскими подвигами, за ним – рослый и плечистый Филоктет и другие. Аякс Теламонид был на голову выше их всех. Каждый дискобол подхватывал тяжелый диск одной рукой, отводил руку назад и, развернувшись, с силой бросал диск вдоль по двору. Диск летел с гудением, звонко ударялся о плиты, затем подскакивал, крутясь перелетал еще два-три раза и останавливался. В счет шел только первый удар; это место отмечалось чертой.

Ни один диск не пролетел дальше, чем диск Аякса Теламонида. Но победитель не услышал обычных одобрительных восклицаний и дружелюбных шуток. Обрадовался победе друга один только маленький локр. Он захлопал в ладоши и воскликнул:

– Клянусь богами, Аякс, твой удар достоин самого Геракла!

Гигант Аякс громко засмеялся.

– Многим не по вкусу мой удар, друг Аякс, – ответил он. – Посмотри, как они насупились!

² Совершеннолетие юноши праздновалось по особому обряду, при котором юноша приносил в дар богу Аполлону прядь своих волос.

³ Теламонид – сын Теламона, Аякс; точно так же мы встретим дальше: Лаэртид – сын Лаэрта, Одиссей; Менетид – сын Менетия, Патрокл; Нереиды – дочери Нерея; Атриды – сыновья Атрея, Агамемнон и Менелай; Пелид – сын Пелея, Ахиллес и т. п.

– Нечем хвалиться, Теламонид! – возразил ему сумрачный Филоктет, который кинул свой диск почти до черты Аякса. – Ты только и умеешь метать диск да драться на кулаках, а в других состязаниях ты не был бы первым.

К спорившим подошли еще двое юношей. Один из них – высокий, темноглазый, с пробивающейся темной бородкой – был одет богато и изысканно: золотая пряжка искусной чеканки скрепляла на левом плече блестящий льняной плащ;⁴ золотая повязка стягивала его курчавые волосы; тонкие сандалии были украшены цветной кожей. Юношу звали Менелай; он принадлежал к царскому роду Атрея – богатому, но известному семейными несчастьями.

Одежда его товарища не отличалась богатством: он носил домотканый шерстяной плащ, грубые сандалии; вместо нарядной повязки голову его облегал простой кожаный шлем. Юноша казался на голову ниже Менелая, зато шире в плечах. Это был царь Итаки, маленького островка в Ионическом море. Жители Итаки избрали царем молодого Одиссея, хотя еще жив был его отец, отважный и мудрый Лаэрт, участник славного похода аргонавтов. Молодой царь не был славен ни могуществом рода, ни богатством, как Менелай, ни исполинской силой, как Аякс Теламонид, но товарищи уважали его и побаивались его острого языка. Как только он подошел к играющим, спор утих. Молодой итакиец сказал, язвительно улыбаясь:

– Я слышал хор одобрений; все восхищаются твоей силой, Теламонид?

Гигант нахмурился, а маленький Аякс задорно воскликнул:

– Не хочешь ли ты, Одиссей, показать свою силу? Бери новый диск. Вот отметка Теламонида.

Не торопясь, Одиссей снял свой плащ и отдал его Менелая. Так же спокойно и без видимого усилия он поднял с земли железный диск. Юноши, сидевшие на скамье, встали с мест, чтобы лучше видеть. Они шептались и насмешливо поглядывали на Аякса: они кое-что уже слышали о силе и ловкости Одиссея. Вот загудел железный диск; он описал полую дугу и ударился о землю рядом с отметкой Аякса Теламонида. К отметке подбежали маленький Аякс и Филоктет; они ожесточенно заспорили. Наконец Одиссей воскликнул:

– Я готов уступить тебе первенство, Аякс, гордость ахейцев! Ты силен как бык и вынослив как мул. Но когда царь Тиндарей будет выбирать своей дочери мужа, будущего царя Спарты, тогда понадобится что-нибудь побольше бычьей силы, не правда ли?

Аякс побагровел от досады. Сжав кулаки, он вплотную подошел к Одиссею; маленький Аякс следовал за ним. В ссору вмешался всегда благоразумный Диомед. Он положил руку на плечо Теламонида и обратился к Одиссею:

– О Лаэртид! – сказал он спокойно. – Недаром тебя называют хитроумным. Никто не сомневается, что ты можешь высмеять любого из нас. Если бы девушки предпочитали умнейших, то, несомненно, именно тебя выбрала бы мужем прекрасная Елена! Но ты понимаешь сам: в том единственном состязании, для которого мы съехались сюда, в Спарту, победителем может оказаться вовсе не самый умный, не самый старший, не самый сильный и ловкий. Так стоит ли нам ссориться и язвить друг друга обидными речами? Лучше останемся добрыми товарищами и в играх и в сватовстве.

– Ты прав, Диомед, – отвечал Одиссей, – ты, как всегда, благороден и прямодушен. Я вовсе не хотел обидеть кого-нибудь. Вспомните, что сам бессмертный Гермес,⁵ отец всех шуток и проделок, поощряет острую насмешку – приправу веселья!

Одиссей обернулся и отыскал в толпе юного Патрокла Менетида. Одиссей кивнул Патроклу и громко произнес:

⁴ Плащ, или хламида – четырехугольный кусок ткани, который накидывали на плечи, далее проводили его под правой рукой, так что рука оставалась свободной; концы плаща скреплялись пряжкой на левом плече. Если плащ был длинный (мантия), его свободный конец закидывали на согнутую левую руку.

⁵ Гермес – вестник богов, покровитель торговли, лукавый и веселый бог.

– Мы должны благодарить богов, что с Патроком не прибыл его молодой друг Ахиллес, сын царя Пелея. С ним нам трудно было бы состязаться. Он сын богини и великого героя. В любом деле он должен превосходить нас. Говорят, что этот мальчик уже сейчас сильнее Аякса, храбрее Диомеда. Правда ли это, Патрокл?

Юный Патрокл кивнул головой и с гордой радостью взглянул на обидевшего его Аякса Локрийского. Одиссей продолжал:

– Великая слава ждет Ахиллеса Пелида! Его отец, царь Пелей, тоже знаменит своими подвигами. Он участвовал в прославленном походе аргонавтов – как и отец Диомеда, и Теламон, отец Аякса, как и мой отец. Но Ахиллесу предсказано, что он будет еще более великим героем!

Все юноши, забыв о своих спорах, собрались вокруг красноречивого итакийца. Одиссей обратился к ним:

– Пусть сегодня, на вечернем пире, кифаред⁶ споет нам о славном походе аргонавтов. Вы увидите, как много еще нам надо сделать, чтобы сравняться в славе с нашими отцами!

Одиссей взял из рук Менелая свой плащ и вместе с другом покинул двор царского дома.

3

Одиссей с Менелаем прошли по кривой улочке, изрытой копытами коров и свиней, и свернули по тропинке между двумя усадьбами. Менелай заговорил о том, что больше всего тревожило его мысли.

– Скоро уже царь Тиндарей объявит нам о своем решении, – сказал он. – Один из нас получит руку прекрасной Елены. Кто будет этот удачник? Я думаю, что ты и Диомед достойнее других...

Одиссей перебил его:

– Не стоит говорить обо мне, друг Менелай. Я здесь всего два дня, а уже вижу, что мне не быть мужем Елены. Тиндарей ищет не только мужа для дочери, но и царя, которого признали бы спартанцы. Он стар и хочет передать царство зятю. Я же никогда не соглашусь покинуть свою милую родину ради самого плодородного и богатого царства в мире. Я изберу себе такую жену, которая захочет последовать за мной на мою небогатую маленькую Итаку. Пусть другие ищут себе царства тем, что женятся на царской дочери, – Патрокл, например. Он и его отец Менетий нашли себе приют в доме царя Пелея, но Патрокл – только друг Ахиллеса Пелида и никогда не станет царем во Фтии.

Менелай остановился и схватил Одиссея за руку.

– Почему ты назвал Патрокла? – воскликнул он. – Разве тебе кажется, что царь Тиндарей или сама Елена отличают его? О Лаэртид, – продолжал с волнением Менелай, – я открою тебе свои мысли. Мне не надо спартанского царства, я хочу только, чтобы божественный взгляд Елены остановился на мне, чтобы она сказала: «Вот мой муж». Неужели же мне придется уступить ее сопернику?.. Скажи, Одиссей, ты уже видел ее, богиню среди женщин?

– Нет, – ответил Одиссей.

– Тогда пойдем со мной в масличную рощу. Я видел, что она со своими служанками пошла к источнику за водой. Там мы встретимся с ней, и ты сам сможешь судить, могу ли я надеяться на счастливый исход моих желаний.

В масличной роще было безлюдно и тихо; пели птицы, ветер колыхал серебристую листву старых маслин; солнечные блики скользили по земле. За кривыми могучими стволами замелькали белые девичьи одежды; послышались смех и болтовня. Вскоре девушки

⁶ Кифаред – певец, который аккомпанирует себе на кифаре, музыкальном инструменте, напоминающем лиру, но более примитивном, с меньшим количеством струн (о лире – см. ниже).

появились на тропинке. Они следовали вереницей одна за другой, и каждая бережно несла на плече медный кувшин с водой. Головные покрывала их были откинuty. Впереди шли две девушки, одетые богаче других. В первой из них можно было узнать прославленную красавицу, ради которой съехались в Спарту молодые цари и герои.

Когда юноши выступили из-за деревьев, она не опустила гордого взора. Одиссей невольно остановился. Действительно, божественно прекрасна была Елена. Разве только у светлой Афродиты могли быть такие золотые кудри, такая белая кожа, такие гордые брови и пламенный взгляд. Но ее сверкающая красота и надменное лицо не пленили Одиссея. Нет, не такую жену хотел бы он привести к своей строгой и скромной матери Антиклее. Одиссей вспомнил свой небогатый дом, простое убранство женской половины, без ковров и заморских тканей. Разве захочет разделить с ним его судьбу гордая красавица, которую ждут богатство, роскошь и удовольствия?

Он взглянул на вторую девушку, спутницу Елены, и она понравилась ему гораздо больше. Ум, кротость, сила духа – вот что прочел он на ее лице.

Елена поняла мысли незнакомца. Она покраснела от досады и повернулась к Менелая, которого хорошо знала. В нем она была уверена. Юноша смотрел на нее горящим взглядом и не замечал ничего, кроме этой желанной и сияющей красоты. Елена сказала ему с вызывающей улыбкой:

– Ты стоишь, Менелай, как будто встретил страшную Горгону,⁷ чей взгляд превращает людей в камень!

Пораженный в сердце ее неожиданной насмешкой, юноша не нашелся что ответить. Одиссей поспешил выручить друга. Он ответил красавице спокойно и дерзко:

– Если твой взгляд, божественная Елена, грозит превратить нас в камень, то, может быть, кроткие глаза твоей подруги смогут вернуть нас к жизни?

Елена вспыхнула от его дерзости – так обернуть ее шутку! Сравнить ее с чудовищем – Горгоной! Кто он такой, что осмелился на это? Ее подруга взглянула на чужеземца с удивлением. Как мог он заметить ее рядом с лучезарной Еленой? Она встретила умный и пристальный взгляд незнакомца, увидела его ласковую улыбку, покраснела и поспешно обратилась к раздосадованной подруге:

– Пойдем, милая сестра, не годится нам задерживаться так долго в роще. Нас могут увидеть, и какой-нибудь злоязычный насмешник станет рассказывать, что спартанские девушки вольно держат себя с чужеземцами!

Она опустила головное покрывало, и обе девушки удалились плавной походкой, придерживая свои кувшины. Служанки поспешили за ними. Когда последний белый хитон скрылся за деревьями, Одиссей спросил:

– Скажи мне, Менелай, кто эта девушка, которая называет Елену сестрой?

– Это Пенелопа, дочь Икария, младшего брата Тиндарея, – рассеянно ответил Менелай. – Их дома стоят поблизости, и Пенелопа часто гостит у Елены.

4

Облака густой пыли, пронизанные косыми лучами вечернего солнца, врывались в распахнутые ворота царского двора. В клубах пыли с визгом и хрюканьем бежали щетинистые, остромордые свиньи. Два пастуха, в косматых хитонах из козьих шкур, погоняли свиней длинными бичами. На шее у пастухов висели острые бронзовые ножи. Пастухи пригнали свиней для жаркого к вечернему пиру: спартанский царь хотел быть радушным хозяином, и каждый вечер в царском доме молодые гости Тиндарея садились за обильный пир.

⁷ Горгона – мифическое чудовище с лицом женщины; на голове у нее вместо волос извиваются змеи.

Не теряя времени, пастухи накинули аркан на большую свинью. Животное пронзительно завизжало. Тогда во двор сбежались юноши, гости Тиндарея, с широкими ножами в руках. Они мигом скинули свои хитоны – чтобы не запачкать их кровью – и деятельно принялись помогать пастухам. Одни кололи свиней, другие разложили посреди двора жаркий костер, чтобы опалить свиные туши. Треск пылавших поленьев, предсмертный визг животных, крики людей разносились по всей усадьбе.

На шум из дома вышел царь Тиндарей. Он стоял в дверях, кутаясь в пурпурную мантию, и внимательно рассматривал бойню. Губы его шевелились: царь подсчитывал убыль своих стад. За ним вышел высокий человек надменного вида, также в пурпурной мантии и с золотой повязкой на длинных черных волосах. Это был почетный гость Тиндарея, знаменитый Атрид Агамемнон. Он царствовал в пышных Микенах, богатейшем царстве Ахайи. Многие цари других ахейских городов подчинялись гордому властителю Микен. Не так давно Тиндарей выдал замуж за Агамемнона свою старшую дочь Клитемнестру. Спартанский царь очень дорожил родством с могущественным ахейским вождем и принимал его с особым радушием. Сейчас Агамемнон приехал в Спарту, рассчитывая женить на Елене своего младшего брата Менелая.

Глядя на суету во дворе, цари тихо разговаривали.

– Ты муж моей дочери, Агамемнон, – говорил Тиндарей, – и я могу рассказать тебе о своих заботах. Большая честь для меня, что столько знатных юношей съехались ко мне и сватают мою младшую дочь! Но я боюсь, что это сватовство совсем разорит меня и измучает всех в доме. Мои рабыни с утра до вечера мелют зерно для хлеба, – не могу же я угощать своих гостей кашей из немолотого зерна, как простой земледелец, который никогда не видит печеного хлеба! Сколько больших сосудов, врытых в землю в моей кладовой, уже опустело за это время! Вино, оливковое масло, овощи, лук – все это мы тратим каждый день, не считая. А свиньи, а бараны – лучшие из моих стад!

– На это твоя воля, благородный Тиндарей, – возразил Агамемнон. – Ты мог бы покончить дело поскорее. Выбери мужа Елене; остальные разъедутся по домам.

Тиндарей вздохнул:

– Это и есть главная моя беда, многославный! Среди женихов немало достойных юношей – и царей и сильных героев. Но скажу тебе, что всем им я предпочел бы брата твоего, Менелая. Двойными узами мы свяжем тогда наше родство с тобой. Я стар и мечтаю передать царский скипетр мужу Елены. Этого хочет и народ: им нужен умный военачальник, могучий воин и внимательный судья их споров. Пусть Менелай станет царем Спарты, – в союзе с тобой Спарта будет непобедимой и славной...

Слова Тиндарея отвечали замыслам Атрида, но гордый микенец не стал уверять в этом отца Елены.

– Если ты так хочешь видеть Менелая мужем Елены, – произнес он, – почему ты не скажешь этого прямо всем женихам?

– Я боюсь, благородный Атрид, – отвечал Тиндарей. – Я боюсь этих пылких юношей. Кого бы я ни выбрал, остальные могут оскорбиться отказом. Как бы они не вздумали объединиться, чтобы отомстить мне и моему зятю! Я хотел бы поговорить с самыми благоразумными из них: должны же они понять, что я не смогу выбрать всех! Но с кем говорить мне? Кто из них сумеет успокоить безрассудных?

Агамемнон внимательно посмотрел на суетившуюся толпу гостей.

– Если тебе нужна помощь умного и прямого человека, – сказал он, – тебе может оказать ее Паламед, царь Эвбейский... или Диомед из Аргона – он благоразумнее и опытнее других... Но нет, тут нужен советчик похитрее. Лучше всего попросить совета у Одиссея Лаэртида. Товарищи называют его хитроумным. Весь род его славится умом и хитростью. Говорят, что бог Гермес в свое время научил Одиссеева деда Автолика так составлять клятвы,

чтобы их можно было обойти, не нарушая... Если Одиссей так же умен и хитер, как его дед, он сумеет помочь тебе в твоём деле.

5

В закопченных недрах очага пылал огонь, освещая палату. Бегали рабыни, готовя столы к вечернему пиру. Проворная служанка придвинула к очагу два кресла и покрыла их мягкими овчинами. Тиндарей сел и усадил против себя молодого царя Итаки. Женщина поставила им под ноги дубовые скамеечки и вышла.

Тиндарей осторожно завел разговор о том, как трудно ему выбрать достойного мужа Елене.

– Конечно, – говорил Тиндарей, – слава о твоей мудрости и воинской доблести дошла до Спарты, благородный Одиссей, и я больше всего хотел бы увидеть тебя своим зятем...

Тиндарей взглянул на гостя и помедлил, но Одиссей молчал.

– Но захочет ли этого Елена? – продолжал царь. – Кто знает, какие мысли внушит Афродита своенравной красавице?

Одиссей спокойно перебил льстивую речь старого царя.

– Если я могу дать тебе совет, о многотимый Тиндарей, – сказал он, – то наилучшим зятем для тебя был бы Менелай, брат могущественного Агамемнона...

Тиндарей зорко посмотрел на собеседника: откуда он может знать семейные тайны царского дома, этот хитрец? Не таится ли в его словах обида или коварный умысел?

Но Одиссей продолжал с видом простодушной откровенности:

– Я сам молил богов о том, чтобы породниться с тобою, которого я безмерно чту и уважаю. Для этого я приехал сюда. Но я отступаю перед Менелаем. Я не буду мешать счастью друга и твоим интересам. Дело не во мне. Надо, чтобы и все другие женихи не питали злобы к тебе и примирились с твоим выбором.

Тиндарей сказал вздыхая:

– Их мести я и боюсь больше всего и не знаю, на что решиться.

Одиссей ответил:

– Я берусь научить тебя, как предотвратить их гнев. Я помогу тебе добиться их расположения. Но и ты должен взамен этого помочь мне.

– Я готов поклясться тебе в этом! – воскликнул обрадованный царь. – Скажи, чего ты хочешь?

– Ты говорил, что охотно породнился бы со мной, – сказал Одиссей. – Помоги же мне просватать дочь твоего брата Икария, и я буду счастлив назваться твоим родичем.

– Клянусь, что помогу тебе просватать Пенелопу, и призываю отца нашего, громовержца Зевса, в свидетели моей клятвы! – ответил Тиндарей и кивнул головой. Это считалось верным подкреплением всякой клятвы.

– Вот видишь, – продолжал Одиссей, – ты связал себя клятвой. Даже если я раздосаду тебя чем-нибудь, ты не нарушишь обещания, не захочешь навлечь на себя гнев Зевса – хранителя клятв. Так же надо связать клятвой и пылких женихов Елены. Пусть заранее торжественно поклянутся, что не станут мстить ни тебе, ни твоему избраннику. Пусть обещают, что сохраняют дружбу к мужу Елены и помогут ему всегда, как только он попросит их о помощи.

– Да разве это возможно? – усомнился Тиндарей. – С чего они станут клясться в дружбе сопернику? Как добиться от них такой клятвы?

Одиссей возразил:

– Я уверен, что они согласятся. Каждый из них надеется, что именно он будет счастливым избранником Елены. Каждый будет думать, что это ему принесут такую клятву. А кому не пригодится помощь стольких сильных героев?

– Пусть будет так! – решил царь. – О Лаэртид! Недаром, как я слышал, в народе называют тебя «в советах равным Зевсу»! Пусть только женихи принесут клятву, и я никогда не забуду, чем я тебе обязан.

6

Утреннее солнце выплывало из-за далеких гор. Поля за Эвротом стояли седые от росы. На большой луг недалеко от Спарты по утоптаным тропинкам, оживленно разговаривая, сходились группы горожан. Собрались старейшины-геронты,⁸ длиннородые и важные. Пришел Тиндарей в белом жреческом венце,⁹ кутаясь в косматую мантию. За ним легким шагом шли все женихи Елены. Следом кучка глашатаев вела белого тонконового коня.

Все остановились на открытом месте над Эвротом. Тиндарей воздел руки к небу и громко провозгласил имена богов – гремющего в тучах Зевса и Солнце, бессмертного, дающего жизнь Гелиоса, призывая их быть свидетелями клятвы женихов. Тут же он произнес слова клятвы, подсказанной ему Одиссеем. Спартанский царь обратился к подземным богам, чтобы они жестоко покарали тех, кто нарушит клятву. Вытащив из-под мантии длинный меч, Тиндарей быстрым ударом перерезал горло коню. Тело жертвы рассекли на части. Женихи столпились вокруг жертвы; они становились ногами на кровавое, дымящееся мясо и громко восклицали:

– Как разливается по земле эта кровь, так да прольется кровь того, кто нарушит клятву!

Рассеченное тело жертвы не сожгли, как при обычном жертвоприношении, а подтащили к берегу и сбросили в мутную воду Эврота. Отныне каждый участник клятвы считал себя связанным узами дружбы и верности с будущим мужем Елены.

Никто, даже сам хитроумный Одиссей, придумавший клятву, не подозревал, сколько бед и испытаний принесет она каждому из них.

После жертвоприношения все женихи снова собрались в гостеприимной палате царского дома. Сюда пришел Тиндарей, на этот раз в золотом венце и с царским скипетром в руках. Свадьба дочери была для него важным делом. Распахнулись двери из внутренних покоев, и в палату вошла царица Леда. Когда-то она была знаменита своей красотой, – даже боги Олимпа обращали на нее свой взор. Сейчас ее красота уже поблекла, но царица до сих пор любила ярко вышитые платья, золотые украшения, ароматные притирания.

Спартанская царица вела за руку свою прекрасную дочь. Лицо Елены сияло гордостью. Это был час ее торжества: ради нее собрались здесь эти красивейшие и знатнейшие юноши! Они восхищаются ею и жадно ждут ее слова.

Елена подошла к отцу. Выбор ее уже был сделан; отец знал это, но все же тревожился.

– Дочь моя! – громко произнес Тиндарей. – Ты должна решить, кто из этих юношей будет твоим мужем.

Елена повернулась к женихам и смело окинула взглядом обращенные к ней лица. С гордой улыбкой она наблюдала простодушный восторг могучего Аякса Теламонида, жадное нетерпение маленького Аякса Локрийского; исподлобья и без улыбки смотрит на нее

⁸ Геронты – знатные старейшины города. Они составляли совет старейшин с базилевсом – председателем – во главе. В отсутствие базилевса они управляли городом.

⁹ Царь – базилевс – был и верховным жрецом своего племени.

сумрачный Филоктет; полно сдержанного достоинства лицо благородного Диомеда; темноглазый Менелай не может скрыть тоски и страха.

Но тут красавица заметила за плечом Менелая умное, лукавое лицо Одиссея. Его тонкая улыбка напомнила Елене встречу в масличной роще. Девушка вспыхнула от досады. Не медля более, она прямо подошла к Менелая. Со слезами восторга юноша схватил ее протянутую руку. Тотчас к нему приблизились Одиссей и Диомед и приветствовали его дружескими словами. Одиссей заранее знал исход дела, а благородное сердце Диомеда не позволяло ему завидовать чужой удаче. Другие женихи не сразу преодолели свою досаду. Они медлили, угрюмо перешептываясь. Но клятва обязывала их быть дружелюбными, к тому же многие любили пылкого, искреннего Менелая. Один за другим юноши стали подходить к молодой чете; они призывали на нее милость богов и еще раз повторяли Менелая клятву неизменной дружбы.

К вечеру опустели просторные покои Тиндареева дома. Гости царя покинули Спарту. Их путь лежал вдоль бурливого Эвроты к морю, где давно уже ожидали их многовесельные корабли.

Один только Одиссей еще оставался в пышных покоях царского дома.

7

Через открытые двери мегарона¹⁰ Одиссей увидел приближающегося Тиндарея. Спартанский царь возвращался из дома брата своего Икария. Царь шел медленно, в раздумье опустив свою седую голову. Одиссей встретил его у порога и нетерпеливо спросил:

– Видел ли ты Икария, о многочтимый царь?

Тиндарей оперся о руку гостя и увел его в глубину двора. Там они сели на каменной скамье, в тени раскидистого дуба.

– Сын мой, – начал Тиндарей. – Я говорил с моим братом Икарием. Он согласен отдать тебе свою дочь в жены. Он и супруга его, разумная мать Пенелопы, рады иметь зятем прославленного и любимого богами сына Лаэрта...

Тиндарей помедлил в смущении.

– Но Икарий хочет одного, – продолжал он, – чтобы ты остался с Пенелопой в Лаконии. Старшая дочь его вышла замуж и уехала в далекую Фессалию. Икарий не расстанется с младшей, любимой дочерью. В Итаку он ее непустит.

– Что же ты сказал ему на это? – спросил Одиссей.

– Я сказал, что ты, наверно, не согласишься покинуть Итаку. На этом мы и расстались, и я не могу сообщить тебе доброй вести...

Одиссей задумался.

– О благородный Тиндарей, – наконец заговорил он, – помнишь ли ты свою клятву?

– Недоверчивый! – отвечал спартанский царь. – Я клялся отцом нашим Зевсом и с радостью хотел бы исполнить свою клятву: ты помог мне в трудном деле, дал мне желанного зятя и оберег меня от злобы отвергнутых женихов. Я готов сделать все, что только может сделать смертный, не раздражая бессмертных.

– Хорошо, – сказал Одиссей, – тогда помоги мне увидеться с Пенелопой.

– Я помогу тебе, – согласился Тиндарей. – Вечером Пенелопа придет к царице Леде: вместе с Еленой они ткут большой покров в покоях царицы. Леда знает о моей клятве, она не станет препятствовать вашей встрече.

– Благодарю тебя, царь, – отвечал Одиссей. – Кроме того, прошу тебя, дай мне колесницу с парой коней, чтобы добраться до моря. Сегодня ночью я уезжаю из Спарты.

¹⁰ Мегарон – палата – главное помещение греческого дома гомеровских времен.

8

И юная Пенелопа бежала с чужеземцем из отчего дома.

Глубокая ночь сошла на холмы и поля Лаконии. В темноте белела гладко укатанная дорога. Повозка, запряженная парой лучших коней из табунов царя Тиндарея, уносила беглецов из Спарты. Мимо них неясными тенями мелькали кустарники, деревья, камни. Где-то внизу шумел бессонный Эврот.

Возница стоя погонял коней, которые и без того неслись во всю прыть. Возницей был друг Одиссея, царский сын Ментес с острова Тафии. Молодой тафиец прибыл в Спарту вместе с Одиссеем. Он не надеялся получить руку царской дочери. Ему хотелось только сопровождать друга да свести знакомство с доблестными сверстниками. Он порицал выбор Елены: как могла она предпочесть Менелая Одиссею! Ментес был доволен, что их чернобокий корабль все же привезет в Итаку Одиссея вместе с молодой женой. Пусть никто не скажет, что мудрый Одиссей в чем-нибудь потерпел неудачу.

Ударами бича и криком Ментес продолжал погонять коней. На крутом повороте дороги он уже заметил вдалеке погоню: в темноте за ними неслись огни множества факелов, и расстояние между погоней и беглецами все уменьшалось. Отдаленные крики, топот, ржанье коней постепенно приближались.

Наконец стало ясным, что от погони не уйти. Тогда Одиссей велел другу остановить повозку.

– Если нельзя скрыться от преследователей, – сказал Одиссей, – надо встретить их спокойно.

Ментес с силой натянул вожжи, кони вздернули головы, пробежали немного и остановились. Они шумно дышали, с раздувающихся боков клочьями падала пена.

Пенелопа ухватила за руку Одиссея, и они молча ждали.

Протяжный крик и грохот погони приближались. Из-за поворота дороги вынеслись колесницы, запряженные четверками. Кони скакали, закинув головы; по ветру бились огни факелов; в колесницах полуодетые люди с криком потрясали копьями и мечами.

Преследователи окружили повозку Одиссея. Одна колесница подкатила вплотную к беглецам. В ней стоял высокий старик с всклокоченной черной бородой, в гривастом шлеме, с мечом в руке. Пенелопа вскрикнула: «Отец!» – и закрыла лицо руками. Старик ухватился за ременный кузов повозки и вскинул меч.

– Я убил бы тебя, презренный, – вскричал он, – если бы не брат мой Тиндарей: он умолял пощадить тебя. Отдай мою дочь и убирайся!

Одиссей заговорил, и невольно все притихли, прислушиваясь к его спокойному, уверенному голосу.

– Отец мой, о богоравный Икарий, – сказал Одиссей. – Я не заслужил презрения и гнева. Я не похищал твоей дочери, – она добровольно решила оставить родную семью. Ты согласился отдать ее мне в жены. Ты знаешь обычай: после твоего согласия я уже могу считать ее своей женой. Но ты не хотел отпускать ее из Спарты, и нам пришлось покинуть город тайком. Спроси свою дочь: вернется ли она к тебе в дом или последует за мной?

Одиссей отступил от своей спутницы и сел один в углу повозки. Он хотел показать, что Пенелопа свободна в своем выборе. Икарий не знал, что ответить на хитросплетенную речь похитителя, поэтому он сурово обратился к дочери:

– Ну что же, Пенелопа, неужели он прав, этот дерзкий и хитрый обманщик? Неужели ты способна так внезапно покинуть нас? – Голос его понемногу смягчился. – Нет, ты всегда была скромной и разумной; я не верю, чтобы ты пошла за ним по своей воле. Пусть он уезжает, этот бесчестный бродяга, а ты вернешься со мной.

И Икарий протянул руку, чтобы перевести девушку к себе в колесницу. Пенелопа подняла голову и взглянула на отца. Глаза ее были полны слез. Она хотела сказать, что не может вернуться, что отныне дом Одиссея – ее дом. Но отец смотрел на нее так ласково и печально, что у нее не нашлось слов. Она огляделась в смятение. Ее окружали любопытные лица, и девушка совсем смутилась. Вместо ответа она закрыла лицо покрывалом и молча опустилась на сиденье рядом с Одиссеем.

Тогда Икарий отступил назад и со вздохом произнес:

– Теперь я вижу, что ты не могла дать иного ответа, моя скромная, верная Пенелопа! Поезжай с этим юношей, которого выбрало твое сердце. Я не буду больше преследовать тебя.

Пенелопа бросилась в объятия отца. Она плакала и шептала ему прощальные слова и обещанья. Ментес сказал Одиссею:

– Друг, я не испытывал зависти к Менелаю, но тебе я готов позавидовать. Только ты сумел добыть себе лучшую жену во всей Ахайе!

– Благодарю тебя, Ментес, – отвечал Одиссей. – Ты прав. Я не прорицатель и не берусь предсказывать будущее, но кроткая и разумная жена приносит счастье, а гордая красавица сулит испытания. Недаром я заставил женихов поклясться помогать мужу Елены. Пусть бессмертные боги охранят Менелая!

Пророчество Кассандры

1

Прежде чем продолжать повествование, надо вернуться немного назад и рассказать историю о ссоре богинь, знаменитую историю о «яблоке раздора».

Боги решили выдать замуж богиню за смертного человека.

Богиня Фетида, обитательница моря, была одной из пятидесяти Нереид, дочерей Нерея, старого бога морских глубин. Прекрасная Нереида привлекла внимание самого Зевса, владыки богов и людей. Но никто из богов, даже Зевс, не решился бы стать мужем Фетиды. Юной богине было предсказано, что у нее будет сын, который превзойдет силой и славой своего отца. Зевс помнил, как он сам сверг с престола своего отца Кроноса и стал верховным божеством. Он не хотел подвергнуться такой же участи – не хотел иметь сына, который свергнет его и воцарится над миром.

Но если бессмертным богам не нужны продолжатели рода, могучие дети, смертный человек счастлив видеть в детях свершение своих надежд, свое бессмертие. Поэтому совет богов и решил отдать Фетиду замуж за царя Пелея, прославленного героя, участника похода аргонавтов. Пусть его сын будет гордостью отца, величайшим из героев.

Это было роковым решением.

На свадебный пир Пелея прибыли все верховные боги. Не пригласили только одну Эриду, богиню вражды и раздора.

Оскорбленная таким пренебрежением, богиня поклялась отомстить за обиду. Она делает любовь источником злобы; она заставит богов погубить обещанного ими Фетиде могучего сына...

Эрида замешалась в толпу рабов и рабынь, обслуживавших брачный пир. Она принесла с собой чудесное золотое яблоко. Такие яблоки росли только на краю света, в волшебном саду, который охраняли нимфы Геспериды. Богиня раздора поссорила нимф между собой и, пользуясь общим смятением, украла из сада одно яблоко. На этом-то яблоке она сделала, надпись «прекраснейшей» и подбросила его в палату, где веселились родичи Пелея и его божественные гости.

Яблоко подняла одна из главных богинь Олимпа, сладкосмеющаяся Афродита. Тотчас к ней подошли две другие могущественные богини – Гера и Афина. Прочитав надпись на яблоке, богини заспорили. Каждая из них считала себя прекраснейшей, каждая хотела получить чудесное яблоко как доказательство своего превосходства.

За решением спора они обратились к Зевсу. Но верховный бог не захотел навлекать на себя недовольствия богинь.

Он обещал им назначить судью в их споре. Он подозвал своего верного вестника, леконового бога Гермеса и велел ему сопровождать всех трех богинь на далекую Иду¹¹ и там разыскать юного Париса, прекрасного пастуха из города Трои. Парис был младшим сыном троянского царя Приама. Вместе с рабами своего отца он пас стада на горных пастбищах Иды.

Богини предстали перед юным пастухом в блеске своей олимпийской красоты и могущества и потребовали, чтобы он присудил золотое «яблоко раздора» той, которая кажется ему прекраснее других. Юноша был смущен и ослеплен видом бессмертных богинь и не мог решить их задачу.

¹¹ Ида – горный хребет, возле которого находился город Троя.

Тогда каждая богиня посулила ему неслыханную награду, если он решит спор в ее пользу. Могущественная Гера, жена владыки богов Зевса, обещала Парису славу и богатство знатнейшего царя. Мудрая воительница Афина Паллада, та, что во всеоружии и силе появилась на свет из головы самого Зевса, пообещала юноше сделать его мудрейшим и храбрейшим военачальником, победителем несметных врагов. Наконец, третья богиня, прелестная богиня любви и красоты Афродита, пообещала Парису, что его женой будет прекраснейшая в мире женщина, похожая на нее, Афродиту. И юноша, не колеблясь, протянул яблоко богине любви.

Старшие богини в гневе вскочили на свою золотую колесницу и умчались к себе на Олимп.

Афродита же подтвердила свое обещание и велела Парису терпеливо ждать ее знака, хотя бы ему пришлось ждать не один год. Боги будут препятствовать его счастью, но она, Афродита, сумеет преодолеть их сопротивление.

2

Медленно мелет мельница богов. Некуда торопиться бессмертным; они не спешат совершить свою волю.

Много лет прошло с тех пор, как богиня любви обещала троянцу Парису в жены прекраснейшую из женщин. Давно дожидался Парис, чтобы богиня вспомнила о нем. Наконец однажды ночью он увидел необычайный сон. Сама сладкосмеющаяся Афродита явилась к нему и сказала:

– Теперь настало время, Парис, когда я смогу исполнить свое обещание. До сих пор мне мешали старшие боги. Под их покровительством вышла замуж прекрасная Елена, которую я предназначила тебе. Я решила расторгнуть этот брак. Елена должна стать твоей женой. Сейчас все боги Олимпа отбыли к границам земли, туда, где мировая река Океан обтекает земной диск. Они хотят навестить наших смертных родичей – народ эфиопов.¹² Пока боги гостят у эфиопов, ты должен успеть похитить Елену. Отправляйся в далекую Лаконию, в город Спарту. Там, в доме царя Менелая, ты увидишь Елену. Снаряжай корабль и собирайся в путь. Я пошлю тебе попутный ветер и дам знак к отплытию.

3

На открытом берегу Трояды¹³ возвышался новый чернобокий корабль. Соленая морская волна еще ни разу не поливала его, не трепали бурные ветры. Корабль стоял на песчаной отмели между Сигейским и Ретейским мысом. Два толстых бревна поддерживали его с боков и защищали от волн, набегавших на берег.

Корабль был осмолен и раскрашен и похож на глазастое морское чудище, выброшенное бурей на песок. Его высокая носовая часть изображала человеческое лицо: красный форштевень обозначал нос, по бокам были нарисованы красные щеки, а наверху, под самым бортом, смотрели продолговатые белые глаза с черными зрачками.

Кормовая часть корабля тоже была высокой. Общей палубы не настилали, а устраивали два помоста, на носу и на корме. С них можно было сойти внутрь корабля по большим ступеням. Середина судна была низкой; здесь находились скамьи для гребцов. Посредине, вдоль киля, лежала наготове мачта со свернутым пурпурным парусом.

¹² Эфиопы – у Гомера – мифический народ, по представлению греков, населявший оба края земли – на востоке и на западе, у берегов мировой реки Океана.

¹³ Трояда – страна на северо-западе Малой Азии, принадлежавшая городу Трое.

На этом новом корабле, под праздничным парусом, собирался плыть в ахейские страны сын троянского царя Парис.

4

Холодное, ветреное утро занялось над Троадой. Еще накануне голубая даль Геллеспонта тонула в неясной дымке. Сейчас влажная дымка исчезла, небо прояснилось, и за беспокойной синевой моря выплыли гористые очертания противоположного, фракийского берега Геллеспонта. Мореходы Трои знали: когда дымка над морем тает под сухим дыханием Борей – северного ветра, – настает самая подходящая пора для плаванья. Надо лишь вывести на веслах корабль за Сигейский мыс, а там Борей с шумом натянет четырехугольный парус и быстро понесет корабль мимо островов Лесбоса и Хиоса, мимо зеленеющих Кикладских островов, до самого мыса Малей. Оттуда уже нетрудно добраться до любого ахейского города.

Парис стоял на берегу, окруженный толпой родных. Провожать его пришла вся многочисленная родня Приама. Тут был и сам старый царь, и царица Гекуба; оба они с любовью смотрели на своего прекрасного сына.

Больше всего на свете владыка Трои гордился своими сыновьями. Самым младшим из них был Троил, легконогий мальчик, еще никогда не державший в руках боевого копья. Старшим был могучий Гектор, главный военачальник троянцев, опора и надежда Илиона. Он стоял тут же, возле отца, окруженный толпой своих рослых и сильных братьев. Гектор был самым высоким из них. Над всеми головами виднелось его суровое лицо с кудрявой бородой, его сверкающий шлем. Народ слагал песни о своем вожде и в песнях называл его «шлемоблещущий Гектор». Равняться с ним в славе мог разве лишь Эней, племянник Приама, отважный и дерзкий воин. Но ни Эней, ни Гектор не знали зависти и соперничества. Они стояли рядом и дружелюбно разговаривали. Род Приама был сильной и дружной семьей.

Седовласую царицу Гекубу сопровождали все женщины Приамова дома – дочери, невестки, внучки Приама. Все родичи принарядились в честь любимого Приамова сына. Кругом пестрели ярко вышитые одежды, сверкали на солнце золотые запястья женщин, драгоценные пряжки на плащах у мужчин. Но Парис превосходил всех своим пышным нарядом. Он был украшен золотом с головы до ног: шлем с золотым гребнем, чеканная золотая пряжка на груди, золото на щите, золотые кольца на копье, золото на ремнях сандалий. Сын Приама хотел поразить всю Спарту своим воинственным видом, своим богатством и красотой. Он сумеет показать спартанской царице, насколько бедна и скучна ее жизнь в Спарте и какая роскошь, какие удовольствия ожидают ее в доме Париса! Парис рассеянно слушал болтовню своих молоденьких сестер, заботливые напутствия матери, шутки братьев. Все родные верили в его успех; никто не считал его предприятие дерзким или опасным. Правда, среди граждан Трои многие были недовольны и порицали Париса. Но сильный, богатый, многочисленный род Приама мог не очень-то считаться с недовольством граждан! Приам – настоящий владыка, а не какой-нибудь ахейский царь, который должен подчиняться настойчивым требованиям своего народа!

Поэтому ни сам Парис, ни его родные не прислушивались к ропоту своих сограждан. А этот ропот был слышен и здесь, у корабля. Пятьдесят загорелых, мускулистых юношей – гребцов корабля – лежали на песке в ожидании отъезда. Они неодобрительно поглядывали на разряженного в золото Париса и вслух выражали свое неудовольствие.

– Безумная затея! – ворчал один, постарше. – Тащиться за женой в Лаконию! Как будто мало красивых девушек здесь, в Илионе, да и в остальной Троаде!

– Да еще, говорят, он задумал отнять свою красавицу у ее мужа! – подхватил другой. – Поколотят нас всех там ахейцы, вот чем это кончится!

– Трус! – вмешался третий, юноша высокого роста, с жилистыми руками, с лицом дерзкого гуляки. – Нечего бояться ахейцев! Мы их сами поколотим.

– Я не трус и не хуже тебя умею отвечать на удары, – возразил второй, – но дело это мне не по вкусу. Мы только раздражим бессмертных богов тем, что помогаем красть жену у мужа.

Третий гребец пожал плечами.

– Если тебе это дело не нравится, – сказал он, – зачем же ты согласился участвовать в нем?

– Что поделаешь? – ответил его собеседник. – Меня послали троянцы, так же как и тебя. Царь Приам просил троянский народ выделить пятьдесят опытных гребцов для Париса. Я попал в их число и не имею права отказываться. Что же! Троянский народ не запрещает Парису добывать себе жену, откуда он хочет. Но многие, как и я, не одобряют этого, и если муж красавицы пустится в погоню и явится в Трою за похищенной женой, немногие из троянцев поддержат Париса!

Третий захохотал.

– А мне нравятся такие приключения, – сказал он. – Вот увидишь, что мы благополучно вернемся с красавицей и никто из ахейцев сюда носа не сунет. Однако чего же Парис медлит? Пора бы спускать корабль!

Парис давно уже в нетерпении поглядывал на море и на свой красивый корабль. Но ему приходилось ждать обещанного богиней знака.

Вдруг кто-то окликнул его звонким, высоким голосом. Парис оглянулся. Перед ним стоял безбородый юноша в белом плаще, в мягкой кожаной шапочке, с легким копьем в руках. Он сказал, улыбаясь:

– Пора нам в путь, Парис!

– О божественный! – с волнением воскликнул Парис. – Я рад, что, наконец, тебя вижу. Он обратился к удивленным родичам.

– Я знаю этого юношу, – сказал он, – и для меня большая честь, что он хочет сопровождать меня. Сейчас мы тронемся, друг!

В тот же миг все увидели вместо юноши большую белую птицу. Она сорвалась с места, прошумела крыльями и уселась на носу корабля. Люди затаили дыхание: они поняли, что видели бессмертную богиню. Кто теперь посмел бы выразить недовольство, если богиня так явно благоволит к Парису?

В стороне от всех, у самых волн, набегающих на песок, стояла девушка с черными, печальными глазами, в белом покрывале. Она не участвовала в разговорах и молча смотрела на бурное море. Парис обратился к ней и громко воскликнул:

– Сестра моя, Кассандра! Сребролукий Аполлон¹⁴ наградил тебя даром пророчества; неужели ты не предскажешь мне удачной дороги?

Кассандра ничего не ответила и только сумрачно взглянула на брата. Ее строгий вид смутил Париса, но он повторил настойчиво:

– Неужели меня может постигнуть неудача? Мне помогает могущественная богиня.

Кассандра ответила:

– Охотнее всего я предсказала бы тебе неудачу, Парис. Лучше бы ты не ехал, лучше бы ты никогда не следовал советам богини! Ахейцы страшно отомстят тебе за твою дерзость. Я вижу детей Приама, вовлеченных в кровавую битву с войсками данайцев.¹⁵

¹⁴ Аполлон – бог-стрелок, покровитель музыки и певцов. Изображался он с луком в руках. Отсюда его прозвище – сребролукий, сгибатель лука и пр.

¹⁵ В те времена не было общего названия для греческого народа («греки»), потому что не было еще единого народа. Греки, осаждавшие Трою, назывались чаще всего ахейцами, иногда данайцами или аргивянами – по имени своих главных племен.

Парис воскликнул:

– Жестокая! Ты никогда не предсказываешь ничего хорошего, это всем известно. Неужели же троянцы испугаются данайцев? Кто сможет разрушить крепость Илиона – Пергам? Ее строили руки богов – Аполлона и Посейдона. Да разве найдется среди всех народов Ахайи, Аргоса, Лаконии хоть один герой, который в силах состязаться с сыновьями нашего отца, хотя бы с Деифобом или Гектором – первым среди первых?

Огромный Гектор ударил Париса по плечу и со смехом сказал:

– Не говори так, Парис. Я слышал, что в Фессалии есть герой, который превосходит всех смертных силой и доблестью. Его зовут Ахиллес, он сын царя Пелея. Правда, он еще мальчик, но, может быть, он одолеет и Гектора?

Все засмеялись, а Кассандра закрыла лицо руками, словно она угадала в этот миг страшную судьбу Гектора. Но никто уже не смотрел на нее. Поднялась суматоха: гребцы спускали корабль на воду, родные прощались с Парисом. Кто стал бы думать о предсказаниях Кассандры? Чудесная белая птица сидела на носу корабля, – бессмертная богиня сама охраняла мореходов.

5

Берег опустел. Посреди низкой равнины Скамандра еще виднелись небольшие группы людей, – это родичи Париса возвращались в город. На песчаном побережье осталась одна Кассандра. Ветер свистел ей в уши, желтая пена ложилась у ее ног. Но пророчица не трогалась с места и с печалью следила за удалявшимся кораблем. Она увидела, как на корабле подняли мачту, как над черным бортом развернулся пурпурный парус; он затрепетал в струях разогретого над скалами воздуха и скрылся за каменными уступами Сигейского мыса. Корабль ушел в Эгейское море.

В тяжелом раздумье смотрела Кассандра на бесконечно бегущие гребни пустынного Геллеспонта. Боги не позволили ей удержать безумцев от этой поездки. Безжалостен и жесток к ней Аполлон! Правда, она раздражила сребролукого бога тем, что отвергла его любовь. Но пусть бы он в гневе отнял у нее дар прорицанья! Нет, он придумал для нее тягчайшее наказание. Он проклял свою несчастную жрицу; он сказал, что отныне никто не поверит ни одному ее пророчеству. Она будет видеть грядущее, но напрасно будет стараться предостеречь людей, спасти их, – никто не станет ее слушать. Собственное бессилие, насмешки и презрение людей – вот ее судьба, ее казнь.

Кассандра прижала руки к сердцу и сказала сама себе с тяжелым вздохом:

– Смирись, мое сердце! Бесполезно было отговаривать их от опасной затеи: они не хотят верить ничему ужасному. Да так и лучше: тот счастлив, кто не знает заранее своей судьбы. Вот они идут, веселые, полные радостного ожидания. На просторные дворы Приамова дома уже сгоняют тучных быков, достают из кладовых кувшины с пурпурным вином, плетут миртовые венки для свадебного пира. Я вижу, как зажигают брачный факел, но я одна знаю, что этот факел подожжет стены Пергама.

Горе тебе, Илион! Ты примешь к себе жену Париса, но все народы ахейские придут с оружием в руках, чтобы потребовать ее обратно. Я вижу, как собираются в путь корабли; на них плывут ахейские герои: гневный Менелай, безжалостный Аякс, Одиссей, беда моей родины. Горе! Яростная Паллада готовит свой шлем и страшную людям эгиду.¹⁶ Смертные

¹⁶ Эгида – козья шкура, посередине которой прикреплена голова Горгоны, мифического чудовища. В греческих мифах говорится, что вид эгиды внушает людям непреодолимый ужас. Эгида принадлежит Зевсу («эгидодержцу»), но чаще всего с эгидой на груди изображают богиню Афину Палладу, дочь Зевса.

и боги – все ополчаются против нас. Настанет день, когда живые позавидуют мертвым, – день, когда падет Илион и погибнет царство Приама!

Безумный Одиссей

1

Осса¹⁷ – молва – летает по ахейским городам. У нее сто обликов и сто уст; она трубит в медные трубы и взывает к мести. Везде разглашает она весть о близкой войне.

– О меднолатные, бранелюбивые мужи, ахейцы! Слышали ли вы, что случилось в Спарте, в доме царя Менелая? Жену его, прекрасную Елену, похитил сын троянского царя Парис! Как змея в гнездо лесной птицы, проник коварный троянец в дом Менелая. Он прикинулся другом царя, усыпил его осторожность и бежал вместе с Еленой в далекую Трою. Менелай и брат его Агамемнон, властитель Микен, сговорились войной отомстить Трое. Они сзывают на помощь все народы ахейцев. Да поможет им Зевс, карающий злую неправду! Смерть похитителю! Гибель троянцам!

В каждом ахейском доме велись разговоры о близкой войне. В отдаленную Итаку привез эти вести давний друг царя Одиссея, тафиец Ментес.

Друзья сидели в полутемном мегароне царского дома. Перед ними на столе дымились ломти жареного мяса; рядом на блюде высилась горка черных, сушеных оливок, а на краю стола лежали колечки сладкого желтого лука. Из серебряной корзинки выглядывали плоские румяные хлебцы. Маленький горбун Эврибат, царский глашатай, наполнял кубки ароматным вином.

Угощая друга, Одиссей внимательно его слушал. Недаром мудрый царь Итаки тревожился когда-то за Менелая. Война из-за прекрасной Елены! Вот чего стоит Менелая божественная красота гордой спартанки.

– Скажи мне, – спросил друга Одиссей, – кто же из ахейцев уже примкнул к Атридам?

– Первым поддержал их Нестор, престарелый царь Пилоса, – отвечал Ментес. – В нем, видно, не угас еще пыл юности! Обещал им свою помощь и критский царь Идомей, родич и друг Атридов. Но к ним должны примкнуть и все, кто давал клятву – помнишь? – помочь мужу Елены Спартанской, как только он того потребует. Уже готов к походу отважный Диомед со своими аргивянами; собирают войска и оба Аякса – Локрийский и Теламонид – и многие другие. Менелай и Агамемнон ездят из города в город, подбивая царей ахейских на войну против Трои. Думаю, не минуют они и тебя: ты ведь тоже был участником клятвы. Правду сказать, все ахейцы не прочь от участия в большом военном походе. Ведь обида Менелая – это обида нам всем. Надо проучить гордых детей Илиона, чтобы троянцы закалялись похищать аргивянок! Да и молодым воинам хочется показать свою доблесть и побывать в чужих краях. Троя славится богатством и роскошью. Каждый ахеец мечтает о военной добыче. Мы нагрузим наши корабли золотом, медью и железом; мы найдем себе искусных рабынь среди знатных троянок; мы оденем наших жен в финикийские ткани и украсим их руки золотыми кольцами и запястьями, которыми полны сокровищницы царя Приама.

При этих словах Ментеса Одиссей невольно оглянулся на дверь в конце палаты: она вела наверх, в женские покои царского дома. В раздумье ответил он своему красноречивому другу:

– Благодарю тебя за весть, Ментес. Ты оказал мне истинную услугу. Однако только безрассудные юноши бросаются в битву, не помышляя ни о чем, кроме славы. Разумный и твердый муж не должен уклоняться от боя, но должен все взвесить заранее, чтобы честь его не потерпела урона.

¹⁷ Осса – олицетворение людской молвы.

– Я всегда рад помочь тебе, Одиссей, – ответил Ментес. – Но сейчас я должен проститься с тобою: мой корабль стоит далеко в гавани, у пристани Ретры, и если я хочу воспользоваться попутным вечерним ветром, я должен спешить.

– Подожди до завтра, – возразил Одиссей. – Ты отдохнешь за ночь, утром освежишься в прохладной купальне, а к тому времени я велю приготовить тебе прощальный подарок.

– Нет, не держи меня, друг, – ответил Ментес. – Я выменял у иноязычников Темезы¹⁸ много меди и тороплюсь с моим грузом в Тафию: тафийцы, наверно, уже готовятся к походу, и медь им нужна. Прощай, благородный Одиссей, мы увидимся в Авлиде,¹⁹ где собираются войска ахейцев.

Ментес уже давно ушел, а Одиссей все еще продолжал сидеть один в темнеющей палате. Он размышлял обо всем, что рассказал ему гость. Конечно, Атриды будут настаивать, чтобы он, Одиссей, принял участие в походе. Но не следует сразу уступать им. На первый раз пусть уедут ни с чем. Пусть гордый Агамемнон увидит, как трудно ему заполучить Одиссея. Пусть почувствует, что царь маленькой Итаки нужен, очень нужен ахейцам. Пусть за честь сочтет, если сын Лаэрта согласится наконец помогать Атридам!

Вошли рабыни с факелами в руках и осветили сумрачную палату. Одиссей оглядел привычную издавна обстановку родного дома. Два ряда деревянных колонн подпирали потолочные балки. И потолок и стены почернели от дыма. Палата, лишенная окон, освещалась факелами – связками длинных лучин – и согревалась переносными жаровнями. Дым собирался наверху и выходил в отверстие в стене. На стенах висели скрещенные копья, шлемы с конскими хвостами, круглые кожаные щиты с медными бляхами. Оружие это покрылось копотью, потускнело. «Надо будет выбрать какое покрепче, – думал Одиссей, – и очистить его от копоти... Сколько будет забот, волнения, слез для всех домочадцев! А как быть с Пенелопой? Как признаться ей, что я решил идти на войну? Как утешить ее? Это будет потруднее, пожалуй, чем уступить Атридам...»

За дверью послышались женские голоса. В палату вошла Пенелопа. За четыре года она стала еще красивее, чем была, когда Одиссей увидел ее впервые в масличной роще близ города Спарты. За нею шли ее служанки. Одна из них придвинула царице мягко устланное кресло, другая поставила ей под ноги скамеечку, третья подала корзину с черной шерстью и прялку. Царица села напротив Одиссея и принялась за работу.

– Сын наш спит, – сказала она Одиссею, – я оставила его под присмотром няни Эвриклеи и спустилась сюда, к тебе. Скажи, кто был твой гость и какие вести он привез?

– Ты знаешь его, – ответил Одиссей, – это был Ментес из Тафии. Он заехал ко мне по дороге из Эпира и рассказал поразительные новости...

Быстро вертя в руках веретено, Пенелопа приготовилась слушать. Она пряла из шерсти тончайшую пряжу, чтобы потом вы ткать из нее узорную ткань.²⁰

Но как же перепуталась пряжа царицы, как разроняла она свои веретена, когда Одиссей передал ей новости Ментеса! Елена бежала с сыном Приама! Менелай сзывает ахейцев на войну! Сердце Пенелопы замерло от ужаса, когда она услышала последние слова Одиссея:

– Ты знаешь, тогда, четыре года назад, мы все дали клятву Менелаю прийти к нему на помощь, когда он этого потребует.

Пенелопа зарыдала и воскликнула в слезах и гнев:

– Ты дал и другую клятву, неверный! Когда родился наш Телемак, ты поклялся мне оставить свои скитания и не ездить в далекие земли. Что тебе за дело до Елены? Уж если она

¹⁸ Темеза – город в южной Италии.

¹⁹ Авлида – город в Беотии, на берегу Эвбейского пролива; сборный пункт ахейского флота перед походом на Трою.

²⁰ Быть искусной рукодельницей считалось величайшим достоинством для самой знатной женщины. Рукоделию покровительствовала сама богиня Афина Паллада, мудрая воительница. Ее изображали с веретеном в руках и называли не только «владычицей браней», но и «девой, искусной в рукодельях».

не посовестилась покинуть мужа и маленькую Гермину, так она не вернется, хотя бы вы до основания разрушили Трою! О, если только ты любишь нас, меня и сына, ты не пойдешь на эту войну, не оставишь нас одних, беззащитных и беспомощных!

И Пенелопа вновь зарыдала. Одиссей взял ее за руку и сказал:

– Я клялся тебе и клянусь еще раз, что не поеду, если меня к тому не принудят. Я не могу попросту отказать Менелая, но я попробую заставить его освободить меня от клятвы. И если придут сюда не только Менелай, но все цари ахейские и примутся убеждать меня, неужели я не окажусь хитрее их всех? И да поможет мне в этом мудрейшая из бессмертных, светлая Афина Паллада!

Слова Одиссея немного утешили Пенелопу. Она удалилась наверх, в свои покои, а Одиссей подозвал глашатая Эврибата.

Маленький горбун был безобразен, смугл до черноты, но, несмотря на свой невзрачный вид, очень умен. Одиссей ценил его преданность и считался с его советами.

– Мой добрый Эврибат, – сказал Одиссей, – мне понадобится твоя помощь. Завтра, при первых лучах божественной Эос, отправь быстрого вестника на Эрмейский холм; как только он увидит, что в гавань входит корабль, пусть бежит к тебе с этой вестью. Ты же пока пойди к Политу, любезнейшему другу моему, скажи, что я прошу его совета и помощи, и возвращайся сюда вместе с ним.

2

Большой черный корабль миновал пологие берега Элиды и приближался к скалистым Ионическим островам. Военные мореходы – беотийцы, микенцы, аргивяне – строили свои корабли почти вдвое больше обычных. Вдоль каждого борта располагалось по пятьдесят гребцов. В килевой балке были укреплены не одна, а две мачты; под носовым помостом было устроено просторное и удобное жилое помещение.

Свежий ветер надувал паруса; корабль летел, рассекая морскую зыбь. Гребцы сидели без дела, только опытный кормчий направлял бег судна, да лоцман из Эпира стоял на носу и пристально вглядывался в зыбкую даль.

Корабль принадлежал правителю Микен, прославленному Агамемнону. Сам «вождь народов» находился тут же, на корабле; его сопровождал брат его, царь Менелай. Атриды уже объехали Пилос, Эвбею, Эпир и другие ахейские страны и теперь направлялись в Итаку. До сих пор ахейцы встречали их с воинственным восторгом; по следам Атридов все побережье шумело и гудело, как встревоженный улей. Но встреча с хитроумным царем Итаки смущала их; даже гордый Агамемнон сомневался в успехе. Поэтому он не стал спорить, когда Менелай предложил взять с собой в Итаку двух умнейших ахейцев – престарелого пилосского царя Нестора и мудрого, справедливого Паламеда, царя острова Эвбеи.

Агамемнон и его три товарища стояли на носу корабля и глядели на сверкающую зыбь моря. Менелай был дружен с Одиссеем и не раз бывал прежде в Итаке. Теперь называл он своим спутникам острова, мимо которых они проходили. Он указал им на приветливый Дулихий, покрытый светлыми полями пшеницы, и на поросший лесом Закинф с удобной торговой гаванью. Далее путники увидели крутые, лесистые берега острова Зама, а когда они обогнули Зам, перед ними предстала и сама объятая волнами Итака. Длинный, узкий остров отвесно подымался из моря. Над северной его частью царила гора Нерион, доверху заросшая густым лесом. На отрогах Нериона зеленели горные пастбища, у подножия кудрявились рощи дубов и каштанов. Только в южной, меньшей части острова, на открытом плоскогорье, расстиались поля пшеницы да пышные виноградники сбегали к морю по широким террасам. Наверху, между желтеющих полей, виднелся город, окруженный рощами и садами.

Агамемнон окинул взглядом остров и пренебрежительно заметил:

– Небогатым царством владеет сын Лаэрта!

– Итака небогата и непривольна, – живо возразил ему Менелай, – но итакийцы могучи и смелы, и немногие народы имеют правителя, равного мудрому Одиссею Лаэртиду!

Агамемнон усмехнулся, а Паламед закусил губы: ведь это его обычно называли мудрым. Но, правда, ему трудно было состязаться в хитроумных выдумках с царем Итаки.

Нестор заметил раздражение Паламеда. Годы научили старого царя пользоваться человеческими слабостями. Он обратился к эвбейцу:

– Здесь нам очень понадобится твоя помощь, многоразумный Паламед! Одиссей несказанно хитер и увертлив, и если мы сами не изловчимся, то не добьемся его согласия, хоть он и давал клятву помочь Менелаю. Прошу тебя, напряги весь свой ум, следи за речами и поступками Лаэртида, чтобы вовремя ответить хитростью на хитрость.

Тем временем корабль обогнул маленький островок Астрею – скалу, торчащую из воды, – и перед глазами путников открылась спокойная гавань. Она вдавалась глубоко в остров и делила его на две части.

Гребцы свернули паруса и на веслах ввели корабль в бухту. В глубине ее, среди нависших скал, чернела пещера – грот Наяд.²¹ Корабль встал на якорь поблизости от нее. Отсюда начиналась дорога в город, обсаженная серебристыми маслинами. Она огибала гавань, выходила к морю и подымалась затем от террасы к террасе, вверх, к городу. Цари сошли на прибрежный песок. Оставив своих спутников у корабля, они направились в город.

На широком дворе Одиссеева дома было пусто. Ни слуги, ни царские глашатаи не встречали именитых гостей. Цари помедлили немного и вошли в дом. В большой палате они увидели Пенелопу. Царица сидела над колыбелью маленького Телемака, закрыв лицо руками. Ее густые волосы были распущены в знак печали. Она даже не обернулась на шаги пришельцев. К ним подошел Полит, ближайший друг Одиссея. Он приветствовал их с видом человека, убитого горем. Менелай узнал его и спросил, встревоженный:

– Отчего вы все повержены в печаль, добрый Полит? Не случилось ли чего-нибудь дурного с Лаэртидом?

Полит ответил ему, вздыхая:

– Великое горе постигло нас, божественный Менелай! Боги помutilи светлый разум Одиссея: безумный, он не узнает никого, не захотел даже взглянуть на своего возлюбленного сына. Он покинул свой дом и ушел в поле. Там он пашет землю и в безумии своем засеивает ее солью. Он не слушает наших просьб и не хочет возвращаться домой. О Менелай, повелитель мужей! Если все вы пойдете к несчастному и попытаете позвать его с разумными увещаниями, может быть, вы отгоните от него ненавистную богиню Ату, лишаящую людей разума и подвигающую их на безумные поступки!

Цари неуверенно взглянули друг на друга, и Менелай ответил Политу:

– Я не надеюсь на это, благородный Полит! Уж если сами боги простерли руку над Лаэртидом, умнейшим из смертных, сможем ли мы вернуть ему память и разум? Но пойдем в поле, взглянем сами на моего бедного друга.

И смущенные цари направились в поле. Еще издали они увидели Одиссея. Безумный царь усердно пахал землю; его загорелые плечи блестели от пота. Управляя рукояткой плуга, он с силой нажимал ногой на лемех, чтобы борозда была глубокой и ровной. Плуг тащили парой бык и мул. Кто бы мог усомниться, что Лаэртид лишился разума! Обычно в плуг впрягали пару могучих быков – если пахали целину; для земли полегче предпочитали пару быстроногих мулов. Но никто еще не видал мула и быка в одной упряжке! На краю поля запас-

²¹ То есть грот, в котором, по поверьям, обитали наяды – водяные нимфы. Нимфы – низшие божества греческой мифологии, полубогини, связанные с определенной местностью. Были нимфы источников и озер, рощ и гор, островов, гротов и т. д.

ливый пахарь приготовил большую корзину, как будто бы с зерном для посева. Но вместо зерна в корзину была насыпана серая, крупная соль.

На взрытой меже сидел горбун Эврибат, с видом отчаяния опустив голову на руки. Цари подошли к нему. Глашатай со слезами стал просить их поговорить с его хозяином. Но ни дружеское приветствие Менелая, ни мягкое увещание Нестора, ни язвительный укор Агамемнона не пробудили внимания безумца. Он прошел мимо, даже не взглянув на друзей. Некоторое время все стояли молча, удрученные горестным зрелищем. Только Паламед был спокоен. Он не доверял внезапному безумию хитрейшего из ахейцев и зорко следил за Одиссеем. Вдруг он спросил Эврибата, давно ли безумие овладело несчастным Лаэртидом? Эврибат с готовностью ответил:

– С самого утра, благородный муж; и мы не можем убедить его даже вкусить пищи.

Паламед повернулся и окинул взглядом поле. Он и сам не хуже других ахейцев – будь то царь или простой смертный – умел пахать землю. Герой сразу увидел, что Одиссей пахал вовсе не с утра, а разве лишь столько времени, сколько они шли от гавани до Одиссеева поля. Паламед решил. Не сказав ни слова, он поспешил обратно в город. Спутники удивленно смотрели ему вслед. Паламед добежал до царского дома и вошел прямо в палату. Пенелопа все еще сидела над колыбелью сына; няня и приближенные рабыни ласково утешали ее. Паламед отстранил женщин и выхватил из колыбели маленького Телемака. Женщины вскрикнули; Паламед завернул ребенка в покрывало и понес его из дома.

Няня и другие рабыни с воплями бросились за похитителем. Пенелопа упала на колени и припала к пустой колыбели, замирая от страха. Она не так боялась за сына, как трепетала при мысли – какое испытание готовится Одиссею?

Женщины бежали за Паламедом, но не могли догнать его. Выйдя в поле, герой прошел по мягкой вспаханной земле и бережно сложил свою ношу в двадцати шагах перед упряжкой Одиссея. Эврибат хотел броситься к ребенку; Паламед удержал его. Ребенок залился плачем. Одиссей продолжал вести плуг. Все с трепетом ждали, что сделает безумный отец Телемака?

Морда быка была уже над ребенком, когда Одиссей остановил упряжку. Что же! Он сделал все, что от него зависело. Пенелопа не сможет упрекнуть его, что он нарушил обещание: его перехитрили. С Паламедом он еще посчитается. А пока что остается сделать вид, что ничего не произошло.

Одиссей взял ребенка на руки, подошел к Паламеду и спросил его с деланным изумлением:

– Что случилось, о мудрейший из смертных, благородный Паламед? Как ты попал сюда, на это поле?

Паламед возразил:

– Твоя мудрость, многохитростный сын Лаэрта, не позволяет никому считать себя мудрейшим. Я прибыл сюда с твоими друзьями: с Атридом Менелаем, с Агамемноном – храбрейшим из героев! – с царем Пилоса Нестором, прославленным своим прямодушием.

Колкие намеки Паламеда не смутили Одиссея. Он отдал сына подбежавшей Эвриклее и как ни в чем не бывало приветствовал своих прославленных друзей. Но с этой минуты Одиссей возненавидел Паламеда.

3

Двенадцать кораблей готовилось к отплытию из гавани Итаки – двенадцать стройных, чернобоких судов с красными носами. На судах могло поместиться шестьсот воинов в полном вооруженье.

И все-таки немного кораблей шло за Одиссеем! Под пилосской дружиной Нестора примчалось в Авлиду восемьдесят кораблей; гордый силою Агамемнон предводительствовал

сотней больших кораблей, по сто сияющих медью воинов на каждом. По сорок, по шестьдесят кораблей принесли грозным строем от других ахейских городов. Всего тысяча двести кораблей покачивались на просторе круглой Авлидской бухты! Нет, не двенадцать кораблей малочисленного итакийского народа были важны для ахейского войска. Ахейцам нужен был вождь итакийцев, мудрейший из мудрых, хитроумный Одиссей. Без его хитрости, без его советов, быть может, никогда не была бы взята крепостенная Троя...

В день отплытия боги как будто были благосклонны к итакийцам. Дул теплый зефир – попутный западный ветер. Он только слегка рябил прозрачную воду гавани. Гряда скал защищала гавань с моря, и морские волны не могли в нее проникнуть. Шумели придорожные маслины; на синем небе четко вырисовывалась вершина Нериона; солнце озаряло всю гору сверху донизу, и только тени от облачков бежали по ее густым лесистым склонам.

Войско итакийцев собиралось к своим кораблям. Не только Итака, но и подвластные Итаке острова – Зам, Закинф и Дулихий – прислали своих лучших воинов, по пятьдесят на каждый корабль. Это были могучие метатели копий, опытные стрелки из лука, неутомимые гребцы. Отряд за отрядом спускался по каменистой дороге и строился на побережье гавани. Блистали медные шлемы и латы; медные жала копий сияли над рядами; колыхались круглые щиты в руках воинов; всюду звенела и гремела губительная медь. Следом за войском с топотом и криком валили пестрые толпы горожан.

Вскоре все узкое побережье гавани было заполнено народом. Позже всех на повороте дороги показались военачальники. Впереди шел Одиссей, в тяжелой броне, с боевым копьем в руках. Над его высоким шлемом сиял изогнутый гребень; густой конский хвост спускался с гребня ему на спину. С плеч вождя ниспадала тонкая пурпурная мантия, сотканная руками Пенелопы. Мантия скреплялась золотой пряжкой, на пряжке поджарый охотничий пес вцепился зубами в плечо настигнутой лани; казалось, чеканная лань трепещет и бьется, как живая. Неразлучный товарищ царя, горбун Эврибат, шел сзади и нес блистающий на солнце узорчатый щит повелителя.

Вождя итакийцев сопровождали военачальники кораблей, тоже в высоких, гривистых шлемах, в длинных мантиях поверх медных лат, с кожаными и медными щитами. Среди них выделялся своим высоким ростом и суровым лицом воинственный Эврилох, зять Одиссея. Сварливый, непокорного нрава, он не был в дружбе с царем, но боги вложили ему в сердце любовь к походам и битвам; крылатые стрелы, медноострые грозные копья были ему милее домашнего крова, милее жены и детей. В походе он был неизменным помощником Одиссея.

Среди пурпурных и темных плащей военачальников виднелись белые хитоны геронтов – старейшин Итаки. Они тоже пришли провожать войско. Об руку с Одиссеем шел его друг Ментор, еще совсем не старый, но мудрый и чтимый народом геронт. Уезжая, царь поручал Ментору своего сына. Во всей Итаке не найти было лучшего воспитателя, лучшего руководителя для Телемака.

Перед отъездом итакийцы должны были принести богам гекатомбу,²² чтобы боги помогли им в трудном пути. Когда приносили жертву, часть ее народ съедал на общей трапезе, а часть отдавалась богам. Если боги принимали жертву, они должны были исполнить все просьбы людей. Кто же откажет в просьбе гостеприимному хозяину, угостившему тебя за своим столом!

По всему побережью уже были приготовлены костры, сложенные клетками из длинных, круглых поленьев. Возле костров с тяжким мычанием топтались огромные быки, белые с рыжими пятнами, предназначенные для гекатомбы. Они яростно мотали головами, и на солнце сверкали их позолоченные кривые рога.

²² Слово «гекатомба» означало «сто быков»: так называлась жертва в сто быков или вообще большое жертвоприношение.

Два широкоплечих воина подвели к вождю белоснежного быка; глашатай подал воду в сосуде, увитом цветами, и короб отборного ячменя. С треском вспыхнуло высокое пламя костра; густой дым заколебался над войском.

Одиссей умыл руки и осыпал быка пригоршнями золотистого ячменя. С головы жертвы он срезал клочок шерсти и бросил в пылавший костер. При этом он обратился к богам с горячей молитвой:

– О великий Зевс, о воздыматель волн Посейдон²³ и вы все, боги, владыки высокого Олимпа! Если мы всегда приносили вам обильные жертвы, пошлите нам попутный ветер, сделайте море безбурным, дайте нам счастливую дорогу и победу над народом Приама!

По всем городам в это время ахейцы приносили жертвы богам и молились о победе над Троей. Однако не все боги принимали жертвы, не все боги покровительствовали ахейцам.

Одиссей пересек мечом горло быку. Тотчас жертву добили ударом топора; тут же, на окровавленном песке, рассекли тушу на куски. Взяли тучные бедра, отделили мясо от костей. Кости обвили полосками жира, сверху положили кусочки мяса и утробы. Это и была доля богов. Одиссей обрызгал ее вином и бросил в разгоревшееся пламя. Вслед за вождем и другие военачальники стали приносить жертвы. Их молитвенные возгласы вместе с протяжным ревом жертвенных животных отзывались эхом на горных склонах. Черные клубы дыма плыли над гаванью, подымались все выше и уходили на восток, словно стремясь достичь высокого Олимпа.

Боги получили свою долю. После этого можно было садиться за трапезу. У костров воины жарили мясо жертв на длинных пятизубых вертелах. Двое глашатаев развязывали кожаные мехи с вином. Густая багровая струя лилась в широкие глиняные сосуды; глашатаи разбавляли вино свежей водой из узкогорлых медных кувшинов: вино никогда не пили неразбавленным. Разведенное вино черпали глиняной кружкой с длинной рукояткой и разливали по кубкам. Кубки быстро расходились по рукам.

Одиссей снова громко призвал богов и выплеснул из своего кубка немного вина на песок. Все совершили за ним такое же возлияние богам. Участники трапезы уселись на разостланные воловьши кожи, достали короткие ножи и принялись за мясо. Когда все мясо было съедено и вино выпито, Одиссей встал; за ним поднялись все остальные – с шумом, звоном и грохотом. Пришло время отъезда. Раздались вопли и плач провожающих; послышались крики, плеск воды, стук весел, лязг оружия. Вскоре все корабли наполнились меднолатными воинами.

Одиссей с друзьями был еще на берегу, когда из-за придорожных маслин показалась толпа женщин. Они не должны были появляться раньше, чем кончится гекатомба. Впереди всех шла Пенелопа, бледная, вся в слезах, с покрывалом на распущенных волосах. За ней едва поспевала няня Эвриклея, неся на руках маленького Телемака. Одиссей подошел к ним. Ребенок что-то весело лепетал и ловил блестящий меч, висевший через плечо отца. Пенелопа с рыданием кинулась к Одиссею: стенанья и плач поднялись среди женщин.

Одиссей бережно передал Пенелопу в руки ее спутниц, последний раз прижал к груди малютку-сына и быстро пошел к кораблям. Заплескалась вода, застучали по доскам якорные камни, вытащенные на носовой помост. Корабельщики отталкивались от берега длинными шестами; полоса воды между кораблями и берегом становилась все шире. Рядами взлетели весла; пронзительный сигнал трубы – и весла шумно погрузились в воду.

В далекий путь уходят корабли итакийцев! Блестит и играет вода, и отблески ее пробегают по черным бортам. На носу переднего корабля стоит могучий Одиссей. Ветер развеивает конский хвост за его плечами, медный гребень шлема горит над головой героя.

²³ Посейдон – брат Зевса, бог морей. Его прозвища – колебатель земли, земледержец, воздыматель валов и т. п. Изображался он с трезубцем в руках.

Пенелопа рыдает в отчаянии, склонившись на плечо Эвриклеи. Плачь, плачь, царица! Двадцать долгих лет пройдет, прежде чем Одиссей снова увидит каменистые берега своей милой Итаки.

Гнев Ахиллеса

1

Сторожевые костры гасли один за другим; дым уходил кверху и расплывался в побледневшем небе. Все кругом было погружено в предрассветное оцепенение: тусклое море, безлюдная, вытоптанная равнина реки Скамандра, спящий лагерь, – только однообразно перекликалась стража на башнях стены, опоясывавшей лагерь. С юга тянуло жарким, сухим дыханием пустыни: душная ночь обещала перейти в знойный день.

На самом краю ахейского стана расположился лагерь мирмидонян – уроженцев горной страны Фтиотиды. В розовом свете утренней зари проступали очертания вытащенных на песок кораблей. На песке между кораблями, то там, то здесь, распростерлись фигуры спящих воинов.

Они лежали на разостланных кожах и плащах, ничем не укрытые. Некоторые из молодых воинов спали прямо на земле, положив голову на выпуклый кожаный щит; тут же было воткнуто древком в песок копье, чтобы быть под рукой в случае тревоги. Кое-где виднелись палатки – приземистые деревянные строения с тростниковой крышей; в таких палатках жили военачальники ахейцев.

Небо разгоралось, становилось совсем светло. Внезапно в утренней тишине разнеслись протяжные, полные отчаяния стоны.

Тотчас же стукнул засов в одной из палаток. Распахнулась дверь; из нее, нагнувшись, вышел воин и выпрямился во весь свой огромный рост. Это был сам Ахиллес, вождь мирмидонян. Ладонями он пригладил свои вьющиеся, золотистые волосы, расправил затекшие руки. Простой белый хитон без рукавов облегал статную фигуру героя. С могучими мышцами, со сверкающими голубыми глазами, густыми бровями, сошедшимися над переносицей, он выделялся бы и среди тысяч – сын богини, величайший из героев.

Ахиллес окинул взглядом свой спящий лагерь и прислушался. Издали, с берега моря, все громче доносились стоны и причитания многих голосов. Кое-кто из спящих воинов поднял голову, некоторые привстали, но снова легли, натянув на головы плащи, – не то чтобы не слышать стонов, не то в знак бессильной скорби... Десятый день раздаются погребальные вопли в ахейском лагере! Черная смерть посетила войско.

Минуя ряды спящих воинов, Ахиллес направился за ограду. Неширокая луговина отделяла мирмидонский стан от остального ахейского лагеря; по лугу извивалась речка – один из рукавов Скамандра. Светлый утренний пар поднимался над лугом.

В отдаленье, там, где речка исчезала в пенистой полосе прибоя, Ахиллес увидел высокосложенный горящий костер. Высохшие бревна быстро разгорались; наверху лежало тело умершего воина. Кругом костра столпились товарищи умершего, в полном вооружении, с копьями в руках. Они рыдали и вопили, и протягивали руки к костру. Их причитания должны были проводить душу умершего до самых ворот сумрачного царства Аида,²⁴ владыки мертвых.

Приглядевшись, Ахиллес узнал среди воинов Профоя, вождя магнетов. Ахиллес хорошо знал племя магнетов. Это был небогатый, но дружный народ. Они жили небольшими поселками вокруг горы Пелион, неподалеку от его родной Фтии. Магнеты считались превосходными конниками, и в ранней юности он не раз участвовал в их колесничных состязаниях. Теперь и до них добралась черная смерть.

²⁴ Аид – бог подземного царства мертвых, брат Зевса и Посейдона.

Ахиллес легко перескочил речку и поспешил к погребальному костру. Его встретил озабоченный и грустный Профой. За ним подошли и другие воины, чтобы приветствовать великого Ахиллеса. Несколько человек остались возле костра, – нельзя было прерывать возлияний богам, пока горел погребальный костер. У многих воинов головы и плечи были посыпаны пеплом и даже волосы неровно острижены в знак печали.

– Богоравный друг мой, – простонал Профой, – горе! горе! До сих пор черная смерть поражала только левое крыло ахейского войска, и мы уже думали, что нас минует ее рука. Но сегодня ночью умер один из наших воинов и заболели еще пятеро. Что делать? Какой бог преследует нас?

– Помоги нам, сын богини! – заговорили воины, теснясь поближе к Ахиллесу.

– Чем я могу помочь? – возразил опечаленный Ахиллес. – Я не жрец и не пророк. Надо спросить прорицателя Калхаса.²⁵ Все годы войны он открывал нам волю богов в каждом важном деле. Пусть спросит богов и скажет, за какую вину мы несем такое тяжелое наказание!

Седобородый воин – начальник одного из сорока кораблей магнетов – отрывисто и горько засмеялся.

– Спросить Калхаса! – воскликнул он. – Мы знаем, что Калхас мог бы помочь нам, но он уклоняется от этого. Мы, старейшие из воинов, уже несколько дней пытаемся увидеть Калхаса, узнать от него правду. Но Калхаса нигде нет. Или он ничего не знает, или наоборот, знает что-нибудь, что боится открыть.

– Он скрывается в палатках Агамемнона, – раздался голос из толпы.

– О Ахиллес, – сказал Профой, – ты один только поистине жалеешь ахейцев. Ты не держишься гордо и недоступно, как Агамемнон, ты не лукав и не своекорыстен, как многие другие... Ты не побоишься потребовать к ответу даже знатнейшего из вождей. Умоляем тебя, разыщи Калхаса, хотя бы и в палатке верховного вождя! Ты один сможешь добиться от него ответа.

Голубые глаза Ахиллеса потемнели от негодования. Он ясно и твердо ответил:

– Клянусь владыкой Зевсом, я исполню твою просьбу. Сегодня же мы узнаем правду, кто бы ни хотел скрыть ее!

2

Уже девять лет ахейские войска осаждали город Трои. Это не было настоящей осадой. Подойти к Трое можно было только с севера, со стороны моря, там, где лежала открытая равнина реки Скамандра, вытоптанная, кое-где поросшая тростником и болотной травой. С востока и юго-востока за городом подымался обрывистый хребет Иды; город прислонился к нему, закрылся, как щитом, неприступной городской стеной – такой высокой стены не было даже в Микенах – и успешно оборонялся от нападений врагов. К западу стена понижалась, ее можно было бы взять; но там, в излучине Скамандра, расположились лагерь войска варваров, союзников Трои. Их палатки усеяли высокий берег реки; по ночам везде горели их сторожевые костры. Где уж тут было думать об осаде! Всего стотысячного ахейского войска не хватало бы для того, чтобы вплотную окружить город. Троянцы заперлись в городе и выходили только для мелких стычек с врагом. Голод им не был страшен. По дорогам, ведущим в город с тыла, целые дни скрипели повозки, кричали мулы; стада быков, свиней, овец подымали облака густой пыли из селений Трояды, из союзных городов непрерывно подвозили в город хлеб, вино и другие припасы. Нет, Трои нельзя было взять измором. Ахейцы

²⁵ В каждом непонятном явлении природы греки видели действие богов, знамение, открывающее волю богов. Были люди – прорицатели, специально занимавшиеся истолкованием таких «знамений» – полета птиц, эпидемии и т. п.

грабили Троаду, разоряли союзные Трое города, подстерегали троянцев на всех дорогах, – но ни на шаг не были ближе к победе, чем в первый день.

Ахейцы раскинули свой лагерь в тридцати стадиях²⁶ от города. Лагерь, простирался на двадцать стадий²⁷ вдоль побережья Геллеспонта. Со стороны суши лагерь был сначала опоясан глубоким рвом, а затем обнесен длинной каменной стеной, грубо обтесанной, в полтора человеческих роста вышиной. У самого моря высились вытасченные на песок ахейские корабли. Они стояли бок о бок, укрепленные на косых подпорках, – тысяча двести крутобоких судов. Тримя бесконечными, извивающимися рядами они уходили от уступов Сигейского мыса к далекому Ретейскому мысу. Там, на левом крыле ахейского стана, стояла у своих кораблей дружина сильнейшего воина, Аякса Теламонида, и его друга, Аякса Локрийского. Справа к ним примыкали многочисленные корабли Атридов и их родича, критского царя Идоменея; посредине стана стояли двенадцать итакийских кораблей царя Одиссея. Еще правее расположился друг Одиссея, Диомед Аргосский, с восьмьюдесятью большими кораблями; далее стояла дружина пилосцев с их вождем, престарелым Нестором, и его сыновьями. Ближе к морю разместились корабли других, менее сильных вождей. Таков был лагерь ахейцев под стенами города Трои.

На западном, правом конце лагеря, у Сигейского мыса, отдельно от других, поставили пятьдесят кораблей мирмидоняне во главе с вождем своим Ахиллесом Пелидом, славнейшим из героев ахейских. Никто не мог равняться в силе с могучим сыном Пелея. Одно его появление наводило ужас на врагов. Когда Ахиллес мчался в битву на своей легкой колеснице впереди ахейского войска, враги бежали без оглядки: им казалось, что они видят самого неистового Арея, бога битв. Никто из троянцев не отваживался вступить в поединок с сыном Фетиды; даже могучий Гектор избегал встречаться с ним. Ахейские же воины готовы были идти за Ахиллесом куда угодно. Грозный мирмидонянин водил большие отряды ахейцев на союзные Трое города. Одиннадцать городов разгромил он, подойдя к ним с суши, и двенадцать взял внезапным нападением с моря. За девять лет большая часть военной добычи ахейцев была доставлена в лагерь Ахиллесом. Понятно, что герой считал себя по меньшей мере равным верховному вождю Агамемнону. Даже свои суда Ахиллес расположил отдельно от стана ахейцев и обнес их особым частоколом. Сын богини ни в чем не хотел подчиняться верховному вождю. Этим он постоянно раздражал надменного Атрида, и только мудрому Нестору удавалось еще удерживать вождей от ссоры.

Но и с другими ахейскими вождями Ахиллес не особенно дружил. Он был почти мальчиком, когда во главе мирмидонских судов примчался на чернобоком корабле к берегам Геллеспонта. Ему всегда казалось, что старшие вожди недостаточно уважают его. Ближе других был ему Аякс Теламонид: простодушный гигант благоговел перед юным Пелидом, хотя и понимал, что Ахиллес затмевает его славу, что он, Аякс, твердыня данайцев, всегда останется вторым по силе и доблести в присутствии Ахиллеса.

Кроме Аякса, Ахиллес сблизился с итакийским вождем Одиссеем. Осторожный и сдержанный, Одиссей умел обходиться с порывистым Ахиллесом; если надо, умел возразить ему, но при этом никогда не задевал его гордости.

Но всей силой своей пламенной души Ахиллес любил одного друга – неразлучного спутника с детских лет – Патрокла Менетида. В те воинственные и суровые времена крепкая – на жизнь и смерть – дружба часто возникала среди юношей. Обычно дружили старший и младший, один более опытный, другой более сильный и решительный; они поддерживали и защищали друг друга, делились своими преимуществами и были верны дружбе до конца.

²⁶ Тридцать стадий – около шести километров.

²⁷ Двадцать стадий – около четырех километров.

Такими друзьями были оба Аякса; такая же неразрывная привязанность соединяла Ахиллеса и Патрокла. Это было одно из тех чувств, которые направляют судьбу человека.

3

Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который ахейнам тысячи бедствий соделал:
Многие души могучие славных героев низринул
В мрачный Аид и самих распростер их в корысть плотоядным
Птицам окрестным и псам. Совершалася Зевсова воля
С того дня, как, воздвигшие спор, вспыхнули враждою
Пастырь народов Атрид и герой Ахиллес благородный.²⁸

В этой чужой, враждебной стране убежищем, домом, родиной были для ахейцев их чернобокие корабли. Отсюда ахейцы выходили, чтобы сразиться с врагом под стенами неприступного Илиона. Возвратившись в лагерь, воины отдыхали в тени корабельных бортов; у кормы раскладывали костер и готовили пищу.

Обычно днем все пространство между кораблями и стеной было полно шума, движения, говора. Там пригнали скот с пастбища Иды, и воины колют свиней и баранов для общей трапезы; там разгружают легкий двадцативесельный корабль – вытаскивают на прибрежный песок засмоленные мехи с вином из Фракии. Там в лагерной кузнице пылает огонь, стучит молот – воины чинят свое оружие. Там полуголые ахейцы окружили приезжего купца-финикиянина в пестрой одежде и стараются повыгоднее променять свою военную добычу.

Но в эти небывало знойные дни десятого лета осады – дни, когда чума – «черная смерть» – бродила среди ахейцев, – в лагере затихла всякая дневная суета. Только медленно тащились через лагерь повозки с длинными бревнами, – усталые мулы везли с предгорий Иды топливо для погребальных костров. Возницы угрюмо шагали сбоку и даже не погоняли измученных животных. Воины, лежавшие в тени кораблей, молча отворачивались от этого унылого зрелища и опускали головы на песок, не произнося ни слова.

Томительную тишину нарушил пронзительный зов трубы. Послышались протяжные возгласы; по лагерю не спеша проходили глашатаи и во всех углах стана громко повторяли обращение своего повелителя:

– Слушайте, мужи ахейцы! Предводитель мирмидонян Ахиллес, сын Пелея, созывает всех вождей и военачальников кораблей на военный совет. Поспешите, мужи ахейские! Великий Ахиллес ждет вас у кораблей вождя Нестора.

У судов Нестора, на правом крыле лагеря, уже были расставлены полукругом длинные деревянные скамьи. Посредине, у кормы большого корабля, возвышались отдельные сиденья для верховного вождя и его ближайших советников. Ахейцы медленно сходились сюда, понурые и молчаливые; у всех на уме была одна только общая беда. Не было слышно ни громкого говора, ни смеха.

Собирались начальники кораблей. Каждый начальник командовал своими воинами и на суше; начальники кораблей подчинялись военачальникам племени и, наконец, главному вождю племени – царю. Таким образом, собралось больше тысячи человек. Мелкие начальники – предводители десятка воинов – участвовали только в собраниях всего войска.

²⁸ «Илиада». Песнь I, стихи 1–7. Перевод Н.И. Гнедича. Этим обращением к музе начинается «Илиада». В греческой мифологии музы – богини музыки, пения, пляски, поэзии. Музы составляют свиту бога Аполлона.

Военачальников ждал уже Ахиллес. Вождь мирмидонян стоял посреди собрания, опираясь на свое грозное копье. Это копье было не под силу никому другому. Древко его состояло из цельного молодого ясеня; Ахиллес сам вырубил его там, на родине, в лесах горы Пелион. Через плечо героя висел меч в кожаных ножнах; светлые вьющиеся волосы покрывал легкий кожаный шлем. Как всегда, ахейцы с благоговением приветствовали сына богини. Ахиллес замешался в толпу воинов и сел среди них на скамью. Свой «пелионский яшень» он воткнул возле себя в землю.

Постепенно скамьи заполнялись воинами в полном вооружении. Сверкали медные шлемы, колыхались круглые кожаные щиты и длинные копья в руках воинов. В проходе между скамьями появилась высохшая фигура старика в длинном белом хитоне, с белой жреческой повязкой на голове. Это и был прорицатель Калхас, главный гадатель ахейского войска. Воины не напрасно подозревали, что он прячется от ахейцев. Калхас не любил делать дурные предсказания и пуще всего боялся гнева верховного вождя. Ахиллес с большим трудом убедил Калхаса прийти на собрание.

Неподалеку, возле кораблей Атридов, вспыхнули солнечные блики на золоте вооружения – это показалась группа военачальников ахейского войска. Впереди шел верховный вождь Агамемнон. Рыжая львиная шкура облегал его широкие плечи; оскаленная морда зверя лежала на левом плече вождя, хвост волочился по земле, и когти царапали песок. Атрида сопровождали его верные друзья и союзники, славнейшие из героев ахейских. Среди них выделялся своими сединами Нестор, пилосский царь. Руки его ослабели от старости; он уже не мог быть таким бойцом, как прежде, но он превосходил всех в искусстве строить на битву воинов и боевые колесницы. Мудрым советником верховного вождя был и критский царь Идомей; он шел тут же, высокий, с проседью в черной бороде. Агамемнона сопровождал также его брат и верный соратник Менелай, из-за которого началась великая война. С ними шел и Диомед из Аргоса, отважный, прямодушный, не знающий обходов и отступлений; и хитрейший из смертных Одиссей; над всеми головой возвышался знаменитый своей несокрушимой силой Аякс Теламонид.

Агамемнон прошел на свое место и сел, окруженный друзьями. Когда утих гул собрания, царь высокомерно обратился к Ахиллесу:

– О Ахиллес, твердыня данайцев, почему ты миновал верховного вождя и сам созвал совет военачальников? Или ты нуждаешься в нашей помощи?

Лицо Ахиллеса вспыхнуло. Он поднялся с места, и немедленно глашатай вложил ему в руку скипетр – в знак того, что вождь будет говорить на собрании. Ахиллес сурово взглянул в угрюмое лицо Агамемнона и ответил:

– О Атрид, не время сейчас считаться старшинством, когда, быть может, нам придется спустить корабли и отправиться обратно, ничего не добившись. Десятый день свирепствует гибельный мор среди ахейцев. «Черная смерть»! С утра до вечера мы не перестаем сжигать тела умерших товарищей. Народ ахейский волнуется. Воины требуют, чтобы мы спросили жреца или гадателя: пусть скажет, кого из бессмертных богов мы разгневали.

Ахиллес сел. Гул возгласов прокатился по рядам.

– Калхас! Калхас! – кричали воины. – Пусть прорицатель отвечает!

Калхас поднялся и выступил вперед. Он с беспокойством взглянул на Ахиллеса. Герой слегка кивнул ему головой. Гадатель ахейского войска заговорил, и ахейцы приподнялись с мест, вытягивая шеи и прислушиваясь к слабому старческому голосу.

– Мужича ахейцы, – начал Калхас. – Я расскажу вам о том, что видел сам девять дней назад, на рассвете. В лагере еще все спали, когда я вышел из палатки. Было совсем тихо и ясно, и розовый свет божественной Эос²⁹ лежал на лесистых вершинах Иды. И вдруг

²⁹ Эос – богиня зари; заря.

мне показалось, словно белое облако возникло на окраине гор и стремительно двинулось к лагерю. И тут я увидел светлого бога! Он спускался с горы широким шагом, лицо его пылало гневом, отлетали назад золотые кудри; за плечами он нес великий серебряный лук, и в колчане его гремели стрелы. Земля содрогалась под его ногами. Он шагнул через лагерь, и я увидел, как он сел на большой черный корабль посреди стана. Беспощадный бог снял с плеча свой лук, высыпал из колчана смертоносные стрелы и стал посылать их одну за другой в ахейский лагерь.

Среди воинов пронесся стон. Калхас продолжал, повысив голос:

– Горе! Страшен гнев Аполлона! Сначала в лагере падали мулы и бродячие собаки, а потом стали умирать люди...

Громкий говор заглушил его слова. Ахиллес крикнул:

– Ты больше не должен молчать, прорицатель! Ты должен открыть нам, чем раздражен бессмертный бог. Может быть, мы обещали ему гекатомбу и забыли выполнить обещание? Может быть, сладкий дым жертв избавит нас от пагубной язвы?

Все ждали ответа прорицателя. Калхас озираясь в нерешительности. Наконец он сказал:

– Ты хочешь, чтобы я возвестил вам, чем разгневан Аполлон, далекоразящий бог? Я сделаю это. Но сначала поклянись мне, что защитишь меня, если мои слова рассердят сильного вождя.

Ахиллес поднялся и протянул руку к своему копыю.

– Говори, не бойся! – воскликнул он. – Клянусь тебе Аполлоном, которому ты молишься: пока я живу и вижу, никто не подымет на тебя руку, хотя бы ты обвинил в нашем несчастье самого Атрида, вождя, столь гордого своей властью!

И Ахиллес бросил вызывающий взгляд в сторону Агамемнона. Калхас сделал шаг вперед и оперся на свой жреческий посох.

– Нет, не за обещанную жертву гневен Аполлон, – сказал прорицатель, – а за Хриза, своего жреца. Помните, как старый Хриз привозил нам богатый выкуп и умолял отпустить из плена его дочь, румянолицую Хризеиду? Народ был готов принять выкуп и вернуть пленницу. Но что сделал вождь Агамемнон? Он прогнал жреца и сказал ему вслед: «Иди прочь и не гневи меня, иначе тебя не спасет ни сан жреца, ни жезл Аполлона! Дочь твою я не освобожу. Она состарится в неволе, в моем доме, за ткацким станком или прялкой!» Все помнят его слова.

– Помним, помним! – раздались голоса.

– Хриз воззвал к Аполлону, – продолжал Калхас, – и теперь Аполлон мстит нам за своего жреца и не перестанет губить нас, пока мы не вернем Хризеиду отцу без всякого выкупа и не отправим в город Хризую богатую гекатомбу!

Калхас сел, и тотчас встал с места Агамемнон. Лицо его потемнело от ярости.

– Прорицатель бед! – воскликнул вождь. – Ты всегда рад сказать что-нибудь плохое! Как! Ты утверждаешь, что стреловежец Аполлон мстит народу за то, что я не захотел вернуть Хризеиду ее отцу? Ты требуешь, чтобы я отпустил пленницу, которую дал мне народ как долю в военной добыче?

По рядам прокатился говор и послышались крики:

– Это воля богов! Верни Хризеиду!

Агамемнон надменно оглядел ряды ахейцев и ответил:

– Хорошо, я согласен возвратить ее. Я не хочу, чтобы меня винули в гибели народа. Пусть сегодня же снарядят корабль, погрузят на него быков для гекатомбы. Начальником корабля назначим Одиссея, мудрейшего из ахейцев; пусть он отвезет Хризеиду ее отцу и умилоstit Аполлона жертвой.

Царь возвысил голос:

– Но вы должны возместить мне мою потерю! Для меня позорно будет одному остаться без награды посреди всего войска ахейцев!

Ахиллес резко возразил ему:

– Гордый славою Атрид, твое корыстолюбие беспредельно! Откуда взять нам для тебя награду? Общих сокровищ у нас нет: мы сразу делим все, что добываем в походах. То, что роздано, стыдно отбирать обратно, даже у самого последнего воина. Если ты сейчас отдашь свою долю, мы вдвое, вчетверо возместим тебе потерю потом, когда Зевс поможет нам разрушить крепкостенную Трою!

Агамемнон ударил копьем в землю и злобно воскликнул:

– Не лукавь, доблестный Ахиллес! Ты хочешь сам владеть наградой, а мне советуешь сидеть молча, отдавши свою? Нет, если ахейцы теперь же не возместят мне потери равной наградой, то я возьму ее сам. Взамен Хризеиды я уведу у тебя твою пленницу, Бризейду. Клянусь богами, я сейчас же сделаю это, чтобы ты понял, насколько я выше тебя, и чтобы никто здесь не смел равняться со мной!

Ахиллес вскочил, вне себя от гнева. Он схватился за меч и готов был уже ринуться на вождя. Но сидевший рядом Патрокл удержал его за руку. Ахиллес взглянул на друга. Со стуком опустил он меч в ножны, выпрямился и принялся осыпать вождя обидными упреками:

– Бесстыдный, коварный, корыстолюбивый! Кто захочет исполнять твои приказанья? Разве я за себя пришел сюда сражаться с троянцами? Дети Приама ничем не обидели меня: они не похищали моих коней или быков, не топтали моих полей, не увезли у меня жену. Нет, я, как и все, пришел сюда мстить за честь Менелая, твоего брата! Ты же не ставишь ни во что мою помощь и угрожаешь отнять награду, которую дали мне ахейцы за мои тягостные труды на поле брани! Ты, жадный пес с душою робкого оленя! Когда мы идем в поход, ты предпочитаешь оставаться и пить вино в своей палатке. Тебе приятнее потом отнимать дары у других. Я не хочу кровопролития, иначе это была бы последняя обида, которую ты нанес в жизни. Но больше я не стану сражаться за тебя!

С этими словами он швырнул скипетр на землю и сел на свое место.

Тут поднялся седобородый Нестор. Он жестом остановил разъяренного Атрида и, обращаясь к обоим вождям, заговорил:

– Какая скорбь настала для всех ахейцев! Как будет ликовать Приам и гордые дети Приама! Как обрадуются обитатели Трои, когда услышат о распре между вами, первыми среди ахейцев и в совете и в битве! Послушайтесь меня, могучие. Ты, Ахиллес, воздержись от препирательства с вождем. Ты знаменит своим мужеством, ты рожден богиней, но здесь он выше тебя, он – предводитель несчетных народов. Ты, Агамемнон, как ни могуществен, не отнимай у Ахиллеса пленницу. Ему дали ее как награду ахейцы. Смири свое сердце, Агамемнон, я, старец, умоляю тебя! Не ссорься с Ахиллесом: он оплот наш в этой кровопролитной войне!

Так говорил мудрый Нестор, протягивая руки к вождям. Но Агамемнон раздраженно возразил ему:

– Все, что ты говоришь, справедливо и разумно. Но ты видишь сам: этот человек хочет быть здесь выше всех, а я не намерен ему покоряться! Боги создали его храбрым, но разве это дает ему право оскорблять меня, вождя народов?

Ахиллес гневно прервал его:

– Я свободный ахеец, а не микенский раб! Ты не можешь распоряжаться мною! Запомни, что я скажу: в битву за пленницу я не вступлю, хотя она для меня дороже всех наград. Но клянусь великой клятвой: когда придет время и все данайцы будут призывать Пелида и ты сам не сможешь защитить их от Гектора мужеубийцы, – тогда скорее зацветет в твоих руках этот скипетр, чем Ахиллес придет вам на помощь!

В страшном гневе Ахиллес бросился прочь. Воины, толпившиеся в проходе, расступались перед ним в страхе и печали. Тотчас же за ним вышел из рядов его друг Патрокл и другие начальники мирмидонян. Они бегом направились за удалявшимся вождем.

У кораблей наступило тяжелое молчанье. Дружина Ахиллеса Пелида покинула лагерь ахейцев.

4

Пламенный Гелиос, солнце, гнал уже своих огненногривых коней вниз, к сверкающей равнине моря, когда Ахиллес, один, без друзей, пришел к скалам Сигейского мыса. Со стоном он протягивал руки к морю. Сквозь шум и удары волн он звал свою мать, богиню Фетиду:

– Мать моя, ты, что живешь на дне глубокопучинного моря! Взгляни на мою скорбь, на мое великое бесчестье!

Из седеющей пены моря вылетело легкое облачко и понеслось к берегу – и на камне, рядом с Ахиллесом, очутилась прекрасная богиня в зеленой, струящейся одежде. Она обняла героя; рука ее нежно гладила его волосы, а ласковый голос спрашивал:

– Что с тобой, милый сын? Какая печаль посетила твое сердце? Откройся мне, чтобы я могла разделить твою горе.

– Вождь ахейцев Агамемнон лишил меня моей славы! – простонал герой. – Пользуясь своим правом, он отобрал у меня мою долю в военной добыче – юную пленницу, прекрасную Бризеиду, которую я люблю всем сердцем! И я должен был молча перенести это. Не ты ли сама открыла мне мою судьбу?

Жребий двоякий меня ведет к гробовому пределу:
Если останусь я здесь, перед градом Троянским сражаться, —
Нет возвращения мне, но слава моя не погибнет.
Если же в дом возвращусь я, в любезную землю родную,
Слава моя погибнет, но будет мой век долголетен
И меня не безвременно смерть роковая постигнет.³⁰

Я мог сам выбирать свой жребий. Мне предстояла или долгая, мирная, безвестная жизнь, или ранняя смерть, но бессмертная слава. Я выбрал короткую жизнь, но вечную славу! Но где же эта слава? Зачем я отказался от милой жизни?

– Что же ты хочешь? – спросила опечаленная Фетида.

– Заступись перед Зевсом за оскорбленного сына! – воскликнул герой. – Обними колени владыки богов и моли, чтобы он отомстил за меня Атриду! Пусть дарует победу троянцам! Пусть троянцы нападут на лагерь и оттеснят ахейцев до самого моря! Пусть гордый Атрид поймет, какой защитой для войска был Ахиллес, пусть пожалеет о том часе, когда оскорбил храбрейшего из ахейцев!

Фетида слушала сына, и по щекам ее катились слезы. Глубоко вздохнув, она ответила:

– В злополучный час я дала тебе жизнь, мой бедный сын. О, если бы ты сумел остаться спокойным, когда троянцы будут теснить ахейцев и появятся у самых судов! Но пусть будет по-твоему. Я отправлюсь на Олимп и припаду к коленям Зевса. Он не откажет дочери Нерея! Ты же пока оставайся у своих судов и не ходи на советы ахейцев.

И снова легкое облачко понеслось над быстро темнеющим морем. Ахиллес остался на берегу, погруженный в печальное раздумье.

³⁰ «Илиада». Песнь IX, стихи 406–416. Пер. Н.И. Гнедича.

5

Медные стены в большой палате Зевсова жилища на Олимпе сияли чудесным светом. За серебряными столами, в креслах, покрытых мягкими шкурами, сидели блаженные боги. В ожидании самого божественного владыки они проводили время в веселой беседе. Кто-нибудь из богов повествовал о разных забавных приключениях; его рассказ прерывался общим оглушительным смехом. Между столами сами собою катились блестящие треножники на золотых колесах – изделие бога-кузнеца, хромого Гефеста. Чудесные машины останавливались возле столов, и пирующие брали с них широкие золотые чаши, полные сладкой амвросии – пищи бессмертных. Посреди палаты, за отдельным столом, прекрасный юноша в белом блестящем хитоне проворно наполнял вином двуручные кубки и раздавал их пирующим. От кубков разливался тонкий и сильный аромат: ни одно вино на земле не могло сравниться с благоуханным нектаром, который пили бессмертные боги на Олимпе.

Внезапно на столах задрожала и зазвенела золотая утварь; земля загудела под тяжелыми шагами. В дверях показалась могучая фигура Зевса. Все боги поднялись навстречу владыке Олимпа. Зевс медленно прошел между столами и сел на свое высокое кресло. Юноша-виночерпий тотчас поставил перед ним кубок с пурпурным нектаром. Но Зевс оттолкнул от себя кубок. Глядя на угрюмое лицо верховного бога, никто из бессмертных не решался прервать молчанье. Только Гера, богиня богинь, надменная жена громовержца, не могла затаить свои подозрения. Она вызывающе спросила:

– Кто из бессмертных, коварный, совещался с тобой в твоём уединенье? О, я знаю, ты всегда скрываешь от меня свои поступки!

Зевс нахмурил косматые брови и сурово ответил гордой богине:

– Не пытайся, Гера, проникнуть в мои мысли. Что можно, то ты узнаешь первая из всех богов. Но есть мысли, которых не должен знать никто.

– Можешь не говорить ничего! – гневно воскликнула Гера. – Я и так догадываюсь: ты говорил с Фетидой, среброногой матерью Ахиллеса. Недаром еще в начале пира мы слышали гул землетрясения; конечно, это ты клялся исполнить ее просьбы и заставил трястись весь Олимп в подтверждение своей клятвы! Я уверена, что ты обещал коварной Нереиде отомстить за ее сына и истребить толпы ахейцев в искупление обиды!

Зевс взглянул на нее исподлобья и резко ответил:

– Дивная! Ты вечно следишь за каждым моим шагом. Смотри, не озлобляй моего сердца! Я поступлю так, как мне угодно. Ты же не возражай мне, иначе никто на Олимпе не поможет тебе, если я подыму на тебя свои беспощадные руки!

Гера опустила голову, подавленная угрозой владыки. Она не посмела продолжать ссору. Остальные боги тоже молчали в смущении и страхе. Тогда поднялся с своего резного кресла сын Геры, хромоногий Гефест. Припадая на ногу, он подошел к Гере и протянул ей кубок с нектаром.

– Мудрая мать моя! – сказал он ласково. – Не стоит омрачать нашего веселья гневными словами! Будь лучше покорна Зевсу-отцу, помирись с ним. Если ты раздражишь его, я не посмею даже вступить за тебя. Помнишь, как однажды, когда я вмешался в вашу ссору, он схватил меня за ногу и швырнул с Олимпа? Я летел целый день и только с закатом солнца, едва живой, упал на остров Лемнос. Ты же не захочешь, чтобы я повредил и вторую ногу!

Блаженные боги засмеялись. Белокурая Гера тоже улыбнулась, глядя на некрасивое, закопченное дымом подземных кузниц, но добродушное лицо своего сына. Она взяла у него из рук кубок с благоухающим нектаром и с улыбкой протянула кубок разгневанному Зевсу. Громовержец принял из ее рук напиток, лицо его просветлело; он выпил нектар и отдал пустой кубок юному виночерпию.

Тогда внезапно в глубине палаты слышался звон серебряных струн – это сам светлый Аполлон заиграл на лире,³¹ чтобы развеселить пирующих. Звучно и весело спел он им забавную песню о хитростях бога Гермеса. Еще малюткой Гермес ловко обманул его, Аполлона. Чтобы искупить свой дерзкий обман, Гермес сделал из панциря черепахи первую на свете лиру и подарил ее божественному певцу.

Пир продолжался целый день до заката солнца. Ссора была забыта. Пение, шутки, смех не смолкали в просторной палате. И только на лицо Зевса ложилась тень от тягостных мыслей, как туча, плывущая по сверкающему небу.

³¹ Лира – музыкальный инструмент, состоящий из круглого резонатора внизу и изогнутой рамы наверху. Нижние концы струн прикреплялись к резонатору, верхние натягивались на перекладину рамы.

Под стенами Трои

1

Содрогается и гудит широкая долина Скамандра от топота бесчисленных ног, от стука боевых колесниц и конских копыт – войска ахейцев проходят долину. Там, в конце долины, затаился и ждет их нападения великий город.

Впереди резвые кони влекут боевую колесницу верховного вождя. Агамемнон стоит в ней, опираясь на плечо возницы и вглядываясь в неясную даль. Сегодня он должен быть впереди всех сражающихся и доказать, что и без Ахиллеса могут ахейцы одерживать победы.

Следом несется колесница брата вождя – Менелая. Возница держит его щит, шлем и копье, а Менелай сам правит четверкой своих горячих гнедых коней. Его черные кудри и бороду треплет ветер; плечи покрывает пестрая шкура леопарда.

За вождями движутся многолюдные ряды микенских воинов; все в медных бронях и блестящих шлемах, с кожаными щитами и потемневшими в боях копьями; на ногах у воинов – белые оловянные поножи и легкие сандалии.

За микенцами следуют другие ахейские племена, каждое в боевом порядке, во главе со своими военачальниками. Вот, блестя смуглыми, мускулистыми телами, проходят полу-голые локры; они вздымают над собой древки огромных копий. Бок о бок с локрами шагают саламинские стрелки в белых плащах, вооруженные большими луками. Катятся боевые колесницы локрийских и саламинских военачальников. Стоя в одной из колесниц, правит конями маленький Аякс Локрийский. Он отличается от всех своим вооружением: на нем белые, плотно стеганные полотняные латы. В соседней колеснице высится, как башня, огромная фигура его друга – Аякса Теламонида; почти равнясь с ним ростом, стоит возница – брат его Тевкр, знаменитый стрелок.

Сомкнутыми рядами, щит к щиту, идут рослые аргивяне; среди них, в сверкающей медными ободьями и поручнями колеснице, мчится прославленный вождь Диомед; дружным строем катятся колесницы его друзей. За ними следуют жители песчаного Пилоса; здесь больше колесниц, чем пеших воинов, и все они выстроены искуснейшим образом, как шашки на доске, и держатся одна от другой на расстоянии вытянутого копья. Во главе их – седобородый конник, пилосский царь Нестор, окруженный своими статными сыновьями.

Идут сильные абанты; длинные чубы свисают с их бритых голов. Пастухи Аркадии, виноделы Кикладских островов, суровые итакийцы; критяне со своим вождем Идоменеом, все в богато украшенных одеждах, с золотыми кольцами на древках смертоносных копий... Ряды колесниц сменяются рядами пеших воинов. С гулом и звоном, но в полном молчании движутся ахейцы, только клубится пыль и земля дрожит под ногами неисчислимых толп.

Все яснее виден ахейцам холмистый, покрытый лесом хребет Иды... А вот и город, высокостенная Троя... Видны крыши домов, дворец, храм Афины, устроительницы городов. Над ними возвышается неприступная крепость Трои – Пергам. Город и крепость окружены мощной, чуть покатою стеной, сложенной из огромных камней. На углах стены и над воротами – квадратные башни...

Пронзительно поют боевые трубы. Главные – Скейские – ворота Трои открыты настежь, и из них пестрым потоком выливаются войска. Троянцы уже проводали, что грозный Ахиллес отказался участвовать в битвах, и тоже решили испытать свое военное счастье в бою с ахейцами. Защитники Трои идут нестройными толпами, с шумом и криками. Впереди всех – троянские воины; их вооружение такое же, как и у ахейцев: копья, мечи на кожаной перевязи, шлемы и круглые щиты. Их военачальники в медных латах, на высоких двух-

колесных боевых колесницах. Издали блещет косматый шлем их главного вождя, гиганта Гектора Приамида. За троянцами валят пестрые толпы варваров, союзников Трои. В цветных тканях поверх гибких лат, с бритыми головами, в островерхих шишаках, они бегут или скачут верхом на конях, подымая над головой свои кривые мечи, закинув за плечи огромные луки. Колесницы троянцев мчатся в беспорядке, задевают друг друга колесами, наезжают и толкают одна другую. Это особенно заметно по сравнению с стройным порядком ахейского войска.

Так лишь на битву построились оба народа с вождами,
Трои сыны устремляются с говором, с криком, как птицы:
Крик таков журавлей раздаётся под небом высоким,
Если, избегнув и зимних бурь, и дождей бесконечных,
С криком стадами летят через быстрый поток Океана,
Но приближались в безмолвии, боем дыша, аргивяне,
Духом единым пылая стоять одному за другого.³²

Вот оба войска сблизилась и остановились, готовые ринуться в бой по призыву вождей. Они стали, как две стены, ошестинившиеся копьями, закрытые щитами. Угрожающие, суровые лица воинов словно высматривают себе противников для смертельного поединка.

³² «Илиада». Песнь III, стихи 1–5, 8–9. Пер. Н.И. Гнедича.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.